О СОВРЕМЕННОМЪ ЧЕЛОВѢКѢ *)

I.

Tempora quibus nec vitia nostra,
nec remedia pati possumus.
Tit. Liv. l. 1.

Не даромъ привелъ я этотъ эпиграфъ, готовясь высказать свои мысли о современномъ состояніи человѣка. Эти слова древняго римскаго историка, жившаго во времена, обыкновенно называемыя золотыми, славнѣйшими временами Рима, такими, въ которыя находился онъ на высшей степени силы и славы, эти слова поразили меня невольнымъ сходствомъ съ нашими просвѣщенными, блестящими временами. Слова эти высказываютъ то, что таилось внутри, высказываютъ нравственное состояніе, нравственное безсиліе Рима. Въ наши времена, при столькихъ открытіяхъ, при невѣроятныхъ матеріальныхъ усовершенствованіяхъ, при необъятномъ богатствѣ способовъ и средствъ для жизни, чувствуется и слышится повсюду страшная бѣдность души, оскудѣніе внутренняго родника жизни, для котораго только и можно трудиться и работать, при которомъ только и имѣютъ цѣну всѣ открытія и успѣхи. Къ чему всѣ эти богатства и удобства, если потеряетъ душу человѣкъ — одно, что даетъ всему цѣну? Къ чему, напримѣръ, книгопечатаніе, если потерянъ разумъ? Современное человѣчество — въ подобномъ поло-

*) Эта статья К. С. Аксакова сохранилась, въ его бумагахъ, во многихъ черновыхъ спискахъ, изъ которыхъ нѣтъ ни одного вполнѣ отдѣланнаго и законченнаго. Статья очевидно писалась въ разное время и авторъ, возвращаясь къ ней, переписывалъ ее снова, распространялъ, исправлялъ, по прошествіи года или двухъ вновь ее перечитывалъ и вновь раздвигалъ ея рамки. Онъ занимался ею даже за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины и отмѣчалъ на поляхъ, какія, по его мнѣнію, еще необходимы дополненія. Сличивъ всѣ списки, я избралъ редакцію самую полную, включивъ въ нее и предположенныя имъ дополненія и вставки. — Иванъ Аксаковъ.

женіи *). Конечно, не потеряна еще душа, не померкъ разумъ; но душа обѣднѣла, и крайность выводовъ, добытыхъ вслѣдствіе ложныхъ началъ и ложнаго пути, помутила разумъ. Замѣтьте, что вся дѣятельность человѣка, та, которая съ успѣхомъ подвизается, устремилась на разработку средствъ, а не того, чему служатъ эти средства, *что́* должно ими пользоваться. Человѣкъ усиливаетъ, напримѣръ, средства сообщенія, прокладываетъ желѣзныя дороги, по которымъ почти съ баснословною быстротою является онъ то тамъ, то здѣсь; но что́ привезетъ человѣкъ по желѣзнымъ дорогамъ съ такою невѣроятною быстротою? — Вотъ что́ должно быть, но что́ уже не есть главный вопросъ. А привозитъ онъ истощенную рефлексіями и раздражительными умствованіями душу, фантазирующую мысль, отошедшую отъ своего чистаго логическаго начала, полное отсутствіе нравственной воли, страшное изобиліе фразъ, иногда горячій умъ и всегда холодное сердце: однимъ словомъ, ложь всего своего существа. Средства, добытыя человѣкомъ, огромныя, а самъ онъ не лучше, но еще хуже прежняго. Что-же станетъ онъ дѣлать съ этими средствами? Смѣшно, если на коврѣ самолётѣ будутъ переносить устрицы, вновь выдуманные пирожки, булавочки и т. п. А между тѣмъ, современное совершенство человѣка представляетъ почти эту картину. Онъ добылъ средства, но, направивъ все вниманіе свое, всю дѣятельность своего духа, всю любовь свою на средства, онъ потерялъ то, для чего и добываются средства — внутренняго себя. Современная эпоха невольно приводитъ на память священныя слова: *кая есть польза человѣку, аще весь міръ пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ?* и другія священныя слова, что *весь міръ не стóитъ единой души человѣческой.*

Но въ чемъ же главный недостатокъ современнаго человѣка, въ чемъ общая основная причина грустнаго его состоянія?

Въ томъ, что исчезла искренность, и ложь, какъ ржавчина, проникла душу.

Очень просто, кажется, говорить что́ чувствуешь, и чувствовать что́ говоришь. Но эта простота составляетъ величайшее затрудненіе современнаго человѣка. Для этой простоты необходима цѣльность души, внутренняя правда, а современный человѣкъ самъ не можетъ отвѣчать себѣ: что́ онъ чувствуетъ и чувствуетъ ли онъ? Самолюбіе подъѣло въ немъ всякую правду движенія; прежде нежели родится какой-нибудь порывъ въ человѣкѣ, уже онъ заранѣе взвѣшенъ, заранѣе соображонъ, будетъ ли онъ къ лицу или не будетъ. И нѣтъ въ человѣкѣ искренности, и ложь овладѣла его су-

*) Подъ человѣчествомъ разумѣемъ мы здѣсь не совокупность всѣхъ людей на землѣ, но ту мыслящую, дѣйствующую и выражающую себя часть человѣчества, которая даетъ общее направленіе всей остальной части, имѣетъ всеобщее вліяніе. (Примѣч. автора).

ществомъ — тонкая, хитрая, внутренняя, непримѣтная ложь, раздвояющая всю его душу въ самой глубинѣ ея, втекающая во всѣ ея первоначальныя движенія.

Мы говоримъ, конечно, о западной Европѣ ; но это отсутствіе искренности и бѣдность душевная повторяются и у насъ (въ такъ называемомъ образованномъ обществѣ) въ каррикатурномъ видѣ. У насъ это — въ чужомъ пиру похмѣлье. Зачѣмъ бы намъ быть больными, если мы не имѣемъ на то причины; но петровское образованіе Россіи, примкнувшее все наше общество къ западной Европѣ, поставило насъ именно въ такое отношеніе, что мы радуемся ея радостью, досадуемъ ея досадой, больны ея болѣзнію, мыслимъ... но нѣтъ, не мыслимъ даже и подражательно, а вторимъ ея мыслямъ. И вотъ, не имѣя глубины и серьёзной стороны того недуга, который обнялъ западное человѣчество, мы портимся отъ двоякой причины: оттого, что ничего не дѣлаемъ своего — это во всякомъ случаѣ вредно — и оттого, наконецъ, что, перенимая чужое, мы, счастливые удобнымъ способомъ жить чужимъ умомъ, малодушно обманываемъ себя, удовлетворяясь своею будто бы дѣятельностью и жизнью, и безъ сопротивленія, безъ права, безъ причины и безъ смысла заражаемся чужими недугами. Но таково у насъ то только общество, которое своротило съ русской дороги. Народъ нашъ — крестьяне — слава Богу, еще на своей дорогѣ ; не къ нему относятся наши слова.

Никогда, можетъ быть, не кричали такъ объ убѣжденіяхъ, какъ въ наше время, и никогда не было такого страшнаго въ нихъ недостатка. Убѣжденіе — громкое слово и великое дѣло, но бо́льшею частью слово и дѣло находятся здѣсь въ обратной соразмѣрности, и чѣмъ громче это слово, тѣмъ слабѣе его дѣло. Пусть не будетъ недоразумѣній—хорошо, когда прямо и сильно высказывается само убѣжденіе: тогда оно становится дѣломъ или почти дѣломъ. Но худо, когда не только просто высказываютъ свое убѣжденіе и много говорятъ и кричатъ о своемъ убѣжденіи, т.-е. о томъ, что имѣютъ его — худо, когда важничаютъ обладаніемъ убѣжденія, т.-е. тѣмъ, чѣмъ важничать не понятно: нравственнымъ своимъ достоинствомъ. Самолюбіе понятно человѣческому сердцу, но оно необходимо имѣетъ границы, какъ скоро оно еще не развратно. Самолюбіе можетъ опереться на умъ, на вліяніе въ обществѣ, пріобрѣтенное силою воли, и т. п.; но самолюбіе, утѣшающееся своими добродѣтеляли, есть явленіе или непонятное или крайне искаженное. Человѣкъ, самолюбивый въ этомъ смыслѣ, гордящійся тѣмъ, что имѣетъ убѣжденіе, едва ли имѣетъ его, по крайней мѣрѣ сильное. Мы не говоримъ здѣсь о людяхъ, серьёзно убѣжденныхъ, которыхъ число не велико, мы говоримъ о тѣхъ, которые хвастаютъ своимъ убѣжденіемъ, въ чувствѣ глубокаго почтенія къ самимъ себѣ; а такихъ людей часто

встрѣчаешь; это можно сказать, *щоголи убѣжденія*; оно небезпокоитъ ихъ серьёзно, не заставляетъ перемѣнять своего образа жизни, однимъ словомъ — не *женируетъ* ихъ. Имъ завидуютъ въ обществѣ и про такого говорятъ съ важностью: «о, это человѣкъ съ убѣжденіемъ!» Попросятъ его показать убѣжденіе: человѣкъ съ убѣжденіемъ вынетъ оное изъ кармана, покажетъ, удивитъ всѣхъ и восхититъ, и опять спрячетъ въ карманъ, съ гордостію и достоинствомъ. Часто такой человѣкъ принимается вести самую пошлую жизнь, думая, что достаточно того уже, что при немъ имѣется убѣжденіе: чего же больше? Невольно грустно улыбнешься, глядя на такого героя, героя вполнѣ современнаго. Нашъ вѣкъ — есть вѣкъ не великихъ характеровъ, не гигантскихъ талантовъ, но гигантскихъ самолюбій. Нашему времени принадлежитъ порода малыхъ геніевъ, порода чрезвычайно плодущая: малыхъ геніевъ развелось вездѣ множество. Эта порода гораздо хуже людей простыхъ, вовсе не геніевъ. Главная пружина малаго генія — самолюбіе, *при* которомъ имѣется убѣжденіе и обиходный запасъ дарованьица, состоящаго больше въ ловкости, примѣненной къ нравственнымъ и умственнымъ салмъ. Хорошо бы еще, если бъ, наоборотъ, *при* убѣжденіи имѣлось самолюбіе, если бъ самолюбіе бѣжало за убѣжденіемъ, или хоть рядомъ съ нимъ и не забѣгало впередъ; а то теперь выходитъ противное: самолюбіе обыкновенно бѣжитъ впереди, а за нимъ уже, кой-какъ, плетется хромое убѣжденіе. Какъ скоро самолюбіе станетъ главною пружиною, точкою отправленія и источникомъ дѣятельности, оно можетъ на нѣсколько поднять способности человѣка -- и только; но лишитъ его въ тоже время внутренней, настоящей силы, ослабитъ его истинную дѣятельность, подставя ему, для собственнаго лицезрѣнія, увеличительное зеркало.

Да, зеркало играетъ не маловажную роль въ наше время. Кто въ него не смотрится, кто забываетъ себя? Всякій запасся внутреннимъ, душевнымъ зеркальцемъ, гораздо опаснѣйшимъ, чѣмъ зеркало наружное—и безпрестанно въ него смотрится. Смѣшно сказать, но кокетство овладѣло человѣчествомъ; всѣ стали кокетками больше или меньше, всѣ кокетничаютъ другъ передъ другомъ и думаютъ лишь о своихъ успѣхахъ. Какая же правда можетъ быть у кокетки, оболгавшей всѣ душевныя чувства и порывы — любви, участія — мысль самую, которую беретъ она только какъ нарядъ? Если какъ-нибудь удастся современному человѣку разгорячить себя или расчувствоваться, то, въ припадкѣ гнѣва или нѣжнаго движенія, онъ посмотрится сейчасъ въ зеркало, и—благо какъ-то добился интереснаго состоянія души, какого-то порыва — поспѣшитъ, пока не простылъ его жаръ, какъ-нибудь показаться въ авантажномъ видѣ, чтобы не пропало даромъ душевное движеніе. Увы! рѣдко,очень рѣдко цѣльное, искреннее чувство, безкорыстный восторгъ и прямое сочувствіе.

Вотъ почему говорю я, что все объяла ложь. Ложь бываетъ разная. Есть ложь грубая, прямо противоположная правдѣ, неимѣющая съ нею ничего общаго, чистая, неподдѣльная, то есть честная ложь. Эта ложь, именно потому, что въ ней нѣтъ никакой примѣси, ближе къ дравдѣ, чѣмъ ложь другая, съ хитрою примѣсью обманчивой правды. Въ первой лжи есть своего рода прямота; никого не приведетъ она въ затрудненіе, какъ ее опредѣлить и назвать. Но ложь тонкая, внутренняя, іезуитская, похожая на истину, есть самый опасный, самый вредный врагъ истины; она хитра и вкрадчива, она искусно и понемногу овладѣваетъ душою. Не всякій рѣшится солгать прямо, но почти всякій готовъ поддаться непримѣтной лжи, сходной съ истиной. Обмануть другого, не обманывая себя, трудно для человѣка; но для него же легко обмануть напередъ себя, часто почти сознательно, и потомъ уже обмануть другого. Эта хитрая, внутренняя ложь не вдругъ врывается въ душу; она входитъ постепенно и не слышно, она привязывается къ ничтожнымъ движеніямъ, она опирается въ началѣ на прекрасные порывы и благородныя чувства. Не слышитъ человѣкъ ея перваго тихаго приближенія; еще весь онъ, кажется полонъ глубокимъ чувствомъ правды, пылкой любовью къ добру; но ложь уже тутъ, если человѣкъ замѣтилъ и полюбовался въ себѣ своимъ чувствомъ правды, своею любовію къ добру. Какъ ни будь искренно и прекрасно движеніе человѣка, но какъ скоро онъ въ себѣ замѣтитъ его, оцѣнитъ и будетъ любоваться всякій разъ, какъ оно посѣтитъ его — движеніе это уже потеряетъ свою цѣльность, свою дѣвственную правду. Но это лишь первая ступень къ потерѣ искренности; здѣсь-то и надо быть осторожнымъ, здѣсь-то и надо удержать себя отъ быстраго, часто чудовищнаго развитія эгоистическаго начала личности. А не то—мгновенно выростетъ соблазнъ и могущественно обхватитъ душу. Человѣкъ скоро пойметъ, что всѣ его прекрасные порывы и восторги, всѣ глубокія чувства и мысли могутъ быть въ тоже время и прекраснымъ для него нарядомъ, очень блестящимъ, очень выгоднымъ для его самолюбія... и, понявъ это, все свое душевное богатство отдаетъ въ употребленіе своему самолюбію, а самолюбіе, какъ извѣстно, рѣдко довольствуется внутреннимъ сознаніемъ; оно не любитъ тайны для хорошихъ дѣлъ, оно хочетъ рукоплесканій и признанія отъ цѣлаго міра. Да и что же, кажется, тутъ худого? Почему не показать всѣмъ такого или другаго своего благороднаго движенія? Вѣдь ото тутъ, не выдумано, вѣдь испытываетъ же его въ самомъ дѣлѣ человѣкъ: гдѣ же тутъ неправда? А между тѣмъ человѣкъ уже солгалъ внутренно; движеніе въ немъ уже является не просто, не только само собою; у движенія есть отчасти и цѣль. хотя въ началѣ безсознательная, и эта цѣль—успѣхъ, эффектъ. похвала: оно уже не безъ примѣси, возмутилась чистота его источника; искренность

нарушена; человѣкъ уже раздвоилъ себя; для души выступилъ новый господинъ. Не долго существуетъ даже эта половинчатая искренность въ человѣкѣ: является новый оттѣнокъ, новый непримѣтный шагъ по пути неправды. Движеній простыхъ, настоящихъ уже нѣтъ въ душѣ человѣка; уже онъ знаетъ, что здѣсь *надобенъ* порывъ негодованія, а тамъ — порывъ восхищенія; заранѣе предполагаетъ эффектъ, который произведутъ его порывы и чувства; но и въ этомъ случаѣ онъ еще обманываетъ себя тѣмъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ способенъ испытывать всѣ эти ощущенія и что онъ естественно *долженъ* приходить въ негодованіе или восторгъ при такомъ или другомъ обстоятельствѣ, хотя бы на самомъ дѣлѣ и не кипѣла, не волновалась душа, что онъ своими, не совсѣмъ уже искренними, движеніями не противорѣчитъ, по крайней мѣрѣ, своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ. А между тѣмъ, *въ тайнѣ*, главная задача, главный вопросъ для человѣка уже не явленіе жизни, не событіе какое-нибудь само по себѣ, а то: *какое* движеніе и *какъ* выкажетъ онъ себя по случаю этого явленія. Наконецъ, это становится положительно и прямо главною цѣлью и задачею всѣхъ мыслей, чувствъ, всей жизни человѣка — и что же выходитъ? Человѣкъ *не для себя* пылокъ, *не для себя* благороденъ, *не для себя* кипитъ смѣлымъ негодованіемъ; однимъ словомъ, онъ, если угодно, *живетъ не для себя, а для другихъ*. Но эта жизнь для другихъ, при своемъ сходствѣ въ буквѣ съ высокою добродѣтелью, составляетъ ея крайнюю противоположность; это *для другихъ* значитъ вдвойнѣ для себя; *для другихъ* — потому что другіе — *для меня*: меня хвалятъ другіе, мною восхищаются и становятся моимъ пьедесталомъ. Разумѣется, что здѣсь искренность всякаго движенія потеряна; разумѣется, что всякій источникъ живого дѣйствія изсякаетъ; остается сухое самолюбіе, раздражительность и тѣ отощавшіе природные дары, съ которыми такъ безжалостно поступлено. Такъ какъ не искренно, не въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ человѣкъ что говоритъ, то его собственные поступки, какъ скоро это безопасно для его самолюбія, нисколько не согласуются съ его словами. Наконецъ, даже и внутренняя ложь становится не нужна человѣку, онъ перестаетъ въ себѣ возбуждать, даже по памяти, нѣкогда жившія въ немъ чувства, перестаетъ заботиться о томъ, какъ бы схитрить съ собой, думаетъ прямо лишь объ одномъ своемъ успѣхѣ и становится почти лицемѣромъ, съ тою разницею, что иной все еще скрываетъ это отъ себя, а другой не скрываетъ, да еще часто обращаетъ свой развратъ душевный въ свою особую, житейскую, практическую теорію. Это уже крайняя степень начала лжи; здѣсь одинъ шагъ — и человѣкъ переходитъ въ область обмана. Этотъ обманъ тѣмъ хуже, что вышелъ изъ внутренняго обмана, изъ лицемѣрія передъ самымъ собой. Онъ прибавляетъ немного къ страшному злу, ибо внутри

уже разрушено все живое, всякая возможность правды подъѣдена, однимъ словомъ, въ душѣ страшная пустыня. Это не то, что обманъ цыгана, который надуваетъ покупщика изъ своихъ разсчетовъ: понявъ и почувствовавъ, что обманъ дѣло худое, цыганъ можетъ стать самымъ честнымъ и правдивымъ человѣкомъ; но здѣсь не то: здѣсь зло глубже; здѣсь обманъ идетъ изъ самаго родника человѣческой души ; здѣсь человѣкъ солгалъ прежде всего предъ собой самимъ: онъ не отталкивалъ, не попиралъ своихъ прекрасныхъ движеній и убѣжденій, но ихъ самихъ, но душу свою обратилъ онъ въ ложь, дѣлая изъ души своей нарядъ своему самолюбію. Человѣкъ подрываетъ, такимъ образомъ, въ самомъ корнѣ все свое душевное добро и, мало по малу, доходитъ до страшнаго, почти отчаяннаго состоянія: способность всякаго искренняго движенія вовсе пропадаетъ; наступаетъ совершенное нравственное безсиліе; остается одно безплодное сознаніе, у кого оно можетъ возникнуть. Въ такомъ положеніи находится не тотъ или другой человѣкъ, но вообще человѣчество (разумѣется западно-европейское и то, которое за нимъ слѣдуетъ), ибо эта раздвоенность, это сухое самолюбіе обняло всѣ дѣйствующія лица его народовъ, всякое его историческое движеніе. Разумѣется, что кокетство и ложь душевная обнимающая человѣчество, является въ разныхъ степеняхъ. Но среди этой постоянной неискренности, среди этого исключительнаго вниманія и неколебимой преданности къ самому себѣ,при всеобщемъ созерцаніи своего собственнаго любезнаго образа, есть люди, въ которыхъ это самосозерцаніе принимаетъ другой, болѣе серьёзный характеръ, а именно характеръ болѣзненнаго анализа: анатомирующій взоръ ихъ постоянно устремленъ на себя, и отъ того всякая искренность ихъ собственныхъ движеній исчезаетъ при самомъ ихъ началѣ; порывъ ихъ падаетъ, встрѣченный этимъ испытующимъ, разлагающимъ взоромъ; они отчаяваются во всякомъ внутреннемъ, цѣльномъ своемъ движеніи — и ошибаются, какъ ошибается анатомъ, вонзая скальпель въ живое существо, разсѣкая его на части и спрашивая: гдѣ же сама жизнь? Конечно, ея не отыщетъ ни анатомическій скальпель, ни анатомическое созерцаніе. Такіе люди, сами того не замѣчая, натуры искреннія и только заражены болѣзненно этимъ, ложно направленнымъ и безплоднымъ, самовидѣніемъ, изслѣдованіемъ себя, исканіемъ, которое не только не находитъ, но теряетъ. Во сколько бодръ и приноситъ силъ анализъ мысли, во столько болѣзненъ и истощаетъ силы душевный анализъ. Огромная разница между людьми, которые *мыслятъ* и людьми, которые *думаютъ*. Всегда ясна *мысль*, когда туманна *дума*. Дума—это мыслящая мечта, если можно такъ выразиться. Люди, у которыхъ силенъ душевный анализъ, часто преисполнены думами. Такимъ людямъ тяжело; имъ знакомы мученія Гамлета. Но такихъ людей немного. Гораздо

больше такихъ, которые только лишь улыбаются, поглядываясь въ зеркало и безъ затрудненія приносятъ въ жертву красивой позѣ— искренность своихъ движеній. Посмотрите на современную исторію Запада, на его общественную жизнь: всякое слово — фраза; всякій поступокъ — эффектъ. Настоящаго слова, настоящаго дѣла — нѣтъ. Сыны Запада любятъ изукрасить всякій свой подвигъ; они любятъ подвиги съ картинками, и часто картинка играетъ главную роль; для нея часто дѣлается и самый подвигъ. Поэтому такое значеніе получила форма, разные наружные знаки убѣжденій, цвѣта, кокарды и пр. Для человѣка облегчена возможность показать такое или другое убѣжденіе, безъ особыхъ хлопотъ имѣть его на самомъ дѣлѣ. Все упрощено, на все есть краски и разные лоскутки; есть côté gauche, côté droit; человѣку стоитъ только пересѣсть съ одной стороны на другую — и переходъ отъ убѣжденія къ убѣжденію совершонъ. И вотъ публика очень занята тѣмъ, что такой-то сидѣлъ прежде на этой, а теперь сидитъ на другой скамьѣ. О серьёзной, глубокой *причинѣ* перемѣны положенія рѣдко думаютъ, да она рѣдко и предполагается: всѣ заняты самою *перемѣною* положенія и тѣмъ, какія новыя *сцены* отъ того выйдутъ *).

До такой-то страшной глубокой внутренней неправды дошло человѣчество, до такого — ужаснаго отсутствія искренности. Если и возникаетъ сознаніе, то оно безплодно. Нѣ на что принять цѣлительнаго средства. Сердце одебелѣло. При такомъ ужасномъ состояніи общества, что̀ можетъ помочь ему? — Не знаю. Я не даромъ привелъ въ началѣ слова Тита Ливія: и болѣзнь и лекарство намъ равно невиносимы.

Какое же заключеніе? Такъ ли же точно, какъ на просвѣщенный Римъ, возстанутъ на просвѣщенное человѣческое общество нашихъ временъ новые дикіе какіе-нибудь народы, истребятъ растлѣнное племя и дикою, грубою правдою жизни смѣнятъ блестящую, просвѣщенную ложь? Или само это общество можетъ воскреснуть нравственно и ожить для новой жизни? Но опять: что же ему поможетъ?

Богъ можетъ помочь, но къ Нему прибѣгаютъ всего рѣже.

Оставя въ сторонѣ больныхъ, посмотримъ, откуда бы могли явиться здоровые.

На земномъ шарѣ есть мвого народовъ, не участвовавшихъ въ европейской цивилизаціи. Четыре части свѣта далеко превосходятъ пространствомъ эту маленькую пятую частицу, особенно если отдѣлить отъ нея Россію. Но дѣятельный духъ, какова бы ни была его дѣятельность, превышаетъ лѣнивое бездѣйствіе. Потомъ: матеріальныя выгоды просвѣщенія (порохъ, пароходы и пр.) непремѣн-

*) Въ рукописи сбоку карандашемъ написано: «Типы лжи». Вѣроятно этими словами авторъ намѣтилъ для себя тему новаго сочиненія. — *Примѣчаніе Ивана Аксакова.*

но упрочиваютъ побѣду. Успѣхъ, блескъ, выгода избраннаго пути являются здѣсь сильнымъ соблазномъ. Наконецъ, въ самомъ дѣлѣ по своей дорогѣ, какова бы она ни была, западное человѣчество совершило огромные, титаническіе подвиги. Европейцы побывали во всѣхъ частяхъ свѣта и познакомились со всѣми народами при этихъ встрѣчахъ, народами или дикими или стоявшими на низшей степени образованности, но вообще языческими. А каковы были встрѣчи западныхъ христіанъ съ язычниками? Человѣческими добродѣтелями, нравственными качествами европейцы не превзошли языческихъ народовъ. Этой высокой истинно-человѣческой побѣды они не стяжали. Напротивъ того, съ помощь своего предпріимчиваго ума и отважной дѣятельности, они явились среди чуждыхъ народовъ просвѣщенными звѣрями, употреблявшими преимущество своего просвѣщенія на страшныя дѣла; они явились свирѣпыми, безчеловѣчными проповѣдниками христіанскаго ученія любви. Туземные народы, въ лицѣ своихъ завоевателей, увидали просвѣщеніе, но не умягчившее души, а лишь придавшее утонченность и побѣдносную силу насилію и коварству. Вспомните *геройство* Пизарра и Кортеца, и потомъ обращеніе европейскихъ колонистовъ съ туземцами, наконецъ, современныхъ демократовъ американскихъ, содержащихъ у себя цѣлые заводы негровъ *). Но кромѣ зла порабощенія, мученій, униженія, ругательства, европейцы внесли всюду другое зло — зло своего нравственнаго вліянія. Дикіе и не дикіе туземные народы потеряли свой самобытный путь; подвигаясь впередъ, они принимаютъ европейскія формы, имъ чуждыя: они не съумѣли раздѣлить то, что въ успѣхахъ европейцевъ есть достояніе человѣчества, и то, что составляетъ принадлежность только европейскихъ народовъ, ибо связано съ условіями происхожденія, историческихъ событій и множества обстоятельствъ, только европейцамъ принадлежащихъ; другими словами: они не отдѣлили въ Европѣ достоянія человѣческаго, чѣмъ всякій можетъ воспользоваться, отъ достоянія національнаго, чѣмъ другому народу пользоваться смѣшно и даже вредно; ибо тогда, лишась всякой искренности, онъ станетъ на чужія ходули и непремѣнно будетъ смѣшонъ, непремѣнно вступитъ въ роль подражателя (попугая), при которой и то, что принадлежитъ всѣмъ вообще, потеряетъ свою настоящую пользу, станетъ дѣломъ перенятымъ и никогда не усвоится какъ собственность: для этого нуженъ *собственный* трудъ и ходъ, а ничто *собственное* при подражательномъ (попугайномъ) развитіи невозможно. Ложны или не ложны формы европейскія, онѣ во всякомъ случаѣ ложны для другого народа, потому что онѣ ему чужды. А что же, если ложь лежитъ въ самыхъ началахъ западной Европы, въ самомъ пути ея? И что за грустно-ко-

*) Это было писано за долго до послѣдней сѣвероамериканской междоусобной войны положившей конецъ рабству негровъ. — *Прим. Ивана Аксакова.*

мическое явленіе представляетъ подражательность? Посмотрите: вотъ негры, освобождаясь, прямо попадаютъ въ конституцію республиканскую на западный ладъ, лучшаго, какъ видно, не бывъ въ состояніи выдумать. Вотъ греки, изъ состоянія полудикаго, опять-таки прямо попадаютъ въ конституцію монархическую. Наконецъ, вотъ вамъ и Сулукъ — императоръ со всѣми почестями европейскими, которыя вдругъ, ни съ того ни съ сего, были имъ приняты.

Удѣлъ такого пути цивилизаціи не завиденъ. Внутреннія силы народовъ, которыя облекались въ свой образъ, поддерживали свою жизнь, вдругъ разрознены съ своею цѣлію и должны служить цѣлямъ чуждымъ, употребляясь на поддержку чуждыхъ формъ. Свои родныя народныя силы опредѣлены на питаніе чуждой жизни. Дальнѣйшее движеніе, успѣхъ (прогрессъ) все-таки въ рукахъ не этихъ народовъ, а тѣхъ, у которыхъ они заимствовали все, чѣмъ долженъ быть *себѣ* обязанъ человѣкъ. Съ самаго начала отнявъ у себя духовную самостоятельность, какъ могутъ эти народы и племена цѣлыя — сами стоять и сами подвигаться? Сверхъ того, Европа, можетъ-быть, уже начинаетъ сознавать ложный путь свой, тогда-какъ другіе народы еще силятся по немъ проходить. Европа уже кидаетъ многія свои формы какъ ложныя, а другіе народы только еще берутъ ихъ; кинутъ и они потомъ, но также безправно и безплодно, какъ приняли. Всякая европейская форма, какъ бы ложна она ни была, имѣетъ для Европы ту истину, что тамъ *она своя*, что тамъ она результатъ предыдущихъ причинъ: тутъ есть истина историческая. Но даже и этой истины не имѣютъ народы - прихвостни. Употреблять вѣчно свои жизненныя силы на служеніе заёмной жизни, всегда идти подражательнымъ, безплоднымъ путемъ, ничего не сказать своего и быть безполезнымъ повтореніемъ, пародіею или каррикатурою Европы — удѣлъ тяжкій и обидный, жалкій и презрѣнный.

Конечно; Азія, Африка, Америка и Австралія много еще заключаютъ въ себѣ дикихъ, полудикихъ или своеобычныхъ народовъ; но всѣ они—подъ опекой меча, а главное подъ опекою нравственнаго вліянія Европы. Или они исчезнутъ побѣжденные и сольются съ побѣдителями, или же если и освободятся наружно, то внутренно будутъ рабами Европы и пойдутъ служить своими силами не своей, а ея жизни; передъ ними въ будущности—печальный удѣлъ нравственнаго плѣна

Теперь нѣтъ тѣхъ дикихъ народовъ, которые бы могли оживить человѣчество, какъ нѣкогда оживили они его, разрушивъ Римъ. Но теперь и не нужны они. Сказано вѣчное слово спасенія. Оно всегда передъ нами: всегда можетъ вознести насъ отъ рабства нравственнаго. Внѣшнее обновленіе матеріальное — не нужно теперь человѣчеству. Духовное обновленіе — вотъ его подвигъ. Но и сердца одебелѣли и уши не слышатъ. Удобства міра, открытія средствъ, ма-

теріальные успѣхи заняли умы всѣхъ. Тамъ работаетъ мысль, тамъ сосредоточена дѣятельность духа. Все это могущество въ рукахъ западной Европы *) и передъ нею склонились всѣ остальные народы, если даже и независимые наружно, то плѣнные внутренно.

Да! Страшнѣе матеріальнаго ига Европы, которое тяготѣетъ надъ всѣмъ, что́ не Европа — страшнѣе этого ига есть иго нравственное той же Европы, несравненно труднѣйшее къ сверженію. Впрочемъ, здѣсь отвѣтъ, повидимому, очень легокъ. Если терпится нравственное иго Европы, то не есть ли это уже твердое ручательство въ нравственномъ ея превосходствѣ? Много, кажется, справедливаго въ этомъ возраженіи, но, во-первыхъ, дѣло некончено и мы не можемъ сказать — навсегда ли нравственный плѣнъ сталъ удѣломъ всего, что не западная Европа. Во-вторыхъ, есть въ нравственномъ мірѣ человѣка много силъ, гораздо низшихъ, которыя однако часто торжествуютъ на землѣ надъ высшими ихъ тихими силами, и могутъ покорять ихъ себѣ, подавлять ихъ, если не навсегда, но иногда надолго.

Откуда же можетъ явиться освобожденіе? Откуда можетъ сказаться живительное слово, столь нужное для этой разслабленной духовно владычицы міра? Мы сказали уже, что въ дикихъ обновителяхъ нѣтъ надобности. Съ тѣхъ поръ, какъ открытъ человѣчеству путь спасенія христіанствомъ, человѣчество всегда можетъ обратиться къ единому источнику истины. Но заблужденія католицизма и съ нимъ суевѣрія, протестантизма и съ нимъ безвѣрія, слишкомъ обезсилили Западъ, слишкомъ давно утратилъ онъ свѣжесть душевную, и если онъ и приметъ, то не онъ скажетъ живительное слова, которое такъ нужно ему и всему, что́ предъ нимъ преклоняется. И такъ, опять: откуда же можетъ сказаться живительное слово?

Азія, Африка, Америка, Австралія не могутъ обнадеживать. Въ Америкѣ процвѣтаетъ могущественное государство, но Сѣверо-Американскіе Штаты являютъ только крайнее ожесточеніе европейскаго недуга, для котораго въ Америкѣ уже нѣтъ его смиряющей родной почвы, ни чувства народности, ни историческаго преданія. Условное устройство взаимныхъ политическихъ отношеній замѣнило здѣсь вполнѣ чувство любви. Сѣверо-Американскіе Штаты — это великолѣпное общество-машина. Что же касается до другихъ странъ, то иные народы замкнули уже давно кругъ своего, нѣкогда богатаго, просвѣщенія, другіе находятся въ состояніи дикости, не высказываютъ никакой мысли и, слѣдовательно, не даютъ никакого права сказать что-нибудь о нихъ; къ тому же — что́ всего важнѣе — живительный свѣтъ христіанства бо́льшею частью слабо лишь упадаетъ на эти народы.

---

*) Сѣверо-Американскіе Штаты — колонія Западной Европы; мы ихъ разумѣемъ здѣсь тоже. — *Примѣчаніе автора.*

Есть однако христіанская страна. Государственное ея могущество превосходитъ всѣ другія страны. У нея свои начала; исторія ея не похожа на западную Европу; народъ ея славянскаго, слѣдовательно, европейскаго, но не романо-германскаго племени; вѣра ея — есть вѣра православная. Это — Русь!

Русская земля шла изначала своимъ самобытнымъ путемъ, и вовсе не путемъ западной Европы. Католицизмъ со всѣми его послѣдствіями, ставшій удѣломъ Запада, отдѣлилъ навсегда и рѣшительно отъ западной Европы Русь, осѣненную истиннымъ свѣтомъ православнаго ученія Восточнаго христіанства. Другіе, *свои* результаты должна была явить она, *свое* слово сказать человѣчеству. Всѣ особенности, всѣ ошибки Запада были ей чужды, и нравственный удѣлъ (о которомъ говорили мы выше), постигающій теперь этотъ Западъ, не долженъ былъ быть ея удѣломъ. Вмѣсто того что же случилось?...

Совершился странный переворотъ въ пользу Запада. Кишутъ былъ свой самостоятельный путь: принята была чуждая жизнь съ ея началами; принята была, какъ предметъ подражанія, безъ убѣжденія, безъ права, путемъ кроваваго ужаса и соблазнительнаго разврата. Великая страна явила тяжкое, горькое зрѣлище вѣтреной подражательницы Западной Европы. И ей, такъ долго одолѣвавшей враговъ, отбивавшейся отъ плѣна нравственнаго и матеріальнаго, достался въ удѣлъ тяжолый, нравственный, полутораста-лѣтній плѣнъ. Такъ! удѣлъ, о которомъ мы сейчасъ говорили, это служеніе своими силами чуждой жизни, чуждымъ формамъ: этотъ жалкій удѣлъ — теперь нашъ удѣлъ. Мы должны признаться въ этомъ. И хорошо еще, если мы можемъ и если хотимъ въ томъ признаться; а многіе и не замѣчаютъ этого. Но, видя презрѣнное положеніе, въ которое мы себя поставили, мы однако же не должны приходить въ отчаяніе: мы можемъ надѣяться, скажу болѣе, можемъ быть увѣрены, что выйдемъ изъ него. А между-тѣмъ какъ тяжело оно! Петръ силился оторвать Россію отъ ея прошедшаго, но онъ только разорвалъ ее на двое; въ его рукахъ остались только верхніе классы: простой народъ остался на корню. Прервалось въ Россіи свободное обращеніе силъ; потерялось общее разумѣніе страны. Переобразованные русскіе быстро забыли и прошедшую Русь и современный русскій народъ, и между ними и народностью легла страшная бездна. Между-тѣмъ народъ, такъ-называемый простой народъ, отодвинутый отъ исторіи, лишонный всякаго участія въ общей жизни, одинъ сберегши въ себѣ нашу Русь, сталъ въ тяжелое положеніе, сдѣлался какъ будто завоеваннымъ въ собственной землѣ своей, и среди тысячи препятствій, искаженій, насилій, долженъ по частямъ, нерѣдко въ блѣдномъ видѣ, хранить свои древнія основы быта и жизни. Передъ народомъ постоянно стоитъ соблазнительный примѣръ высшихъ классовъ — мыслящихъ и живущихъ по иностранному.

Этотъ примѣръ дѣйствуетъ непрестанно и приноситъ свое зло, просвѣщеніе сдѣлалось привилегіей людей, отдалившихся отъ русской народности и одѣвшихся по нѣмецки. Страшно то, что отъ народа и отъ русскихъ началъ его быта отрываются цѣлыя толпы, начинающія свой прогрессъ съ перемѣны одежды и бритья бороды (бритой бородѣ выгоднѣе на Руси) и примыкающія къ преобразованнымъ классамъ. Порча соблазна и насилія дѣлаетъ свое гибельное дѣло, и ватаги, лишонныя живой силы преданія, дающаго порядокъ и мѣру, растутъ нестройными, безобразными, грозными тучами. Но народъ въ массѣ все еще хранитъ свои начала и не переходитъ на сторону подражателей, сохраняя свою драгоцѣнную участь русскаго страдальца. Общество, оторванное отъ народа, усѣвшись и расположившись на народѣ, наслаждается беззаботно эгоистическимъ пользованіемъ благъ жизни, легкимъ просвѣщеніемъ, состоящимъ въ повтореніи чужихъ мыслей; умъ не можетъ подняться выше остроумія. Но вотъ, слава Богу, среди нашего общества, блеснула мысль, проснулось, хотя еще слабо, чувство стыда за свое обезьянство, побудилось требованіе самостоятельнаго мышленія, требованіе нравственной обязанности и умственной свободы. Наука обратилась къ судьбамъ Россіи, устремилась понять ее изъ нея самой. Мы можемъ надѣяться, что народъ нашъ додержитъ свой самостоятельный бытъ до той минуты, когда сознаніе русской самобытности приведетъ насъ, бѣглецовъ своей родины, опять въ свою родную землю. Это сознаніе и станетъ на ея стражѣ неусыпнымъ хранителемъ, непобѣдимымъ защитникомъ: тогда не страшны будутъ для Россіи ни явные враги, ни лукавые соблазнители Запада — и Россія скажетъ міру *свое* человѣческое слово.

Оставимъ теперь въ сторонѣ надежды и твердыя убѣжденія въ будущей побѣдѣ правды. Они не освобождаютъ насъ отъ всей силы живого современнаго сочувствія, отъ всей любви, не терпящей нѣмоты, и бездѣйствія; напротивъ, они увеличиваютъ это сочувствіе и эту любовь. А потому не праздно утѣшаться заранѣе свѣтлымъ будущимъ должны мы, но — даже хотя для скорѣйшаго приближенія этого желаннаго будущаго — обратить испытующій взоръ на настоящее зло, на болѣзнь нашего времени. Познаніе болѣзни необходимо для исцѣленія, и часто оно уже одно — вѣрный шагъ къ исцѣленію. Да, намъ необходимо теперь сознаніе, сознаніе своего недуга, своей лжи. Ложь эта такъ еще сильна, что способна привести даже въ отчаяніе человѣка, не крѣпкаго духомъ.

Мы сказали уже, удѣлъ поставленія жизненныхъ силъ своихъ на поддержку чуждыхъ заемныхъ формъ, этотъ жалкій удѣлъ, о которомъ мы говорили — нашъ удѣлъ. Онъ самъ по себѣ есть уже зло. Теперь вопросъ: чему служимъ мы раболѣпно нашими силами? Мы служимъ ими западно-европейскому духу, который самъ идетъ лож-

нымъ путемъ (о чёмъ догадывается его передовые мыслители, напримѣръ: Прудонъ) — въ этомъ новое зло. И такъ на насъ лежитъ двойная скорбь: во-первыхъ, мы не самостоятельны, мы рабствуемъ чужому уму, подражаемъ; во-вторыхъ, то, чему мы рабствуемъ чему подражаемъ, есть — ложь.

До сихъ поръ мы разсматривали *личную* испорченность человѣка; но эта личная испорченность, этотъ частный развратъ есть въ то же время общее состояніе человѣка. Такой общій личный развратъ непремѣнно отражается и въ общественной жизни необходимымъ условіемъ общественнаго быта. Скажемъ болѣе: общественная жизнь есть главная основа человѣка, ибо въ ней является уже не личная его слабость, но то, во что онъ вѣритъ, но его нравственный кодексъ. Какъ лицо человѣкъ можетъ ошибаться, являясь тогда грѣшникомъ; но какъ общество, человѣкъ, ошибаясь, является еретикомъ. Общество съ своимъ образомъ жизни, есть ученіе, исповѣданіе человѣка; исповѣданіе есть главное основаніе нравственное, за что можетъ и долженъ быть судимъ человѣкъ; здѣсь уже нѣтъ вопроса о личной слабости. Огромная разница, напримѣръ, между человѣкомъ, впадающимъ въ порочное дѣло по слабости личной, и человѣкомъ, который думаетъ и признаетъ, что слѣдуетъ поступать порочно. Общество есть непремѣнное выраженіе образа мыслей, есть исповѣданіе человѣка. Ослабленіе истинно-общественнаго начала въ человѣкѣ разнуздало его личность и довело его до страшной современной порчи. Поэтому обратимъ вниманіе наше на общественную жизнь.

Будемъ говорить прямо о себѣ. Мы русскіе, переносимъ въ жизнь свою западно-европейское направленіе, и это самое дастъ намъ возможность, говоря о себѣ, говорить объ европейскомъ, человѣческомъ вопросѣ. Пріобщившись къ западной Европѣ, наше общество, разумѣется, раздѣляетъ все состояніе европейскаго общества, всѣ его болѣзни, съ тою только разницею, что онѣ у нашего общества — заемныя и, слѣдовательно, лишены даже цѣны и важности, какія имѣетъ всякое самобытное явленіе, лишены историчекаго значенія. Общественная дѣятельность наша лишена, сверхъ того, борьбы и подвиговъ мысли и науки, которыхъ не лишена Европа. Свѣтъ и жизнь свѣтская, съ подражательнымъ повтореніемъ чужихъ мыслей — вотъ печальная картина нашей образованной общественной жизни.

II.

Неотъемлемое высокое стремленіе человѣка, связанное съ его человѣческимъ существомъ, есть — *общественность*. Это стремленіе замѣчается на самыхъ первыхъ ступеняхъ образованія. Не одна нужда взаимной помощи, не одна выгода и разсчётъ соединяютъ

людей въ одно общество. Для нихъ необходимо быть вмѣстѣ уже по влеченію ихъ чувства и мысли: сообщить другъ другу все что ихъ занимаетъ, подѣлиться печалью и радостью, оказать и видѣть участвіе — для нихъ необходимо. Но во всѣхъ этихъ потребностяхъ, въ этомъ стремленіи сообщаться лежитъ высшая духовная причина, не для всѣхъ сознательно ясная. Эта причина — потребность согласія; отсюда стремленіе каждой личности уничтожить свою единокость и возвыситься въ общую жизнь, въ которой, исчезая какъ одинокая личность, онъ возникаетъ и слышитъ себя, какъ общество, въ согласіи другихъ такихъ же личностей, также перешедшихъ въ общую жизнь. Какъ звукъ не пропадаетъ въ созвучіи, такъ не пропадаетъ и личность, подавая свой голосъ въ общественномъ хорѣ, которые есть высшее явленіе человѣческой жизни, если не вполнѣ осуществимое, то высшее какъ *мыслъ*, какъ *начало*, въ которомъ лежитъ предощущеніе царства Божія. Все мірозданіе носитъ на себѣ печать гармоніи и согласія; но природа безсознательна и только намекаетъ на высшее духовное согласіе. Весь міръ, по слову божественной истины, не стóитъ одной души человѣческой. Сознательному человѣку представляется самому исполнить свободный и потому высшій подвигъ: образовать духовный хоръ, гдѣ утоляется ядъ личнаго эгоизма, и исцѣляется ненасытная всепоглощающая жажда личности, — эта жажда грѣха. Этотъ подвигъ совершается силою и дѣломъ любви. И вотъ передъ нами возникаетъ новое явленіе—живое единство, которое не имѣетъ матеріальнаго внѣшняго вида, какъ отдѣльная личность, котораго образъ самый существуетъ въ области мысли: — *общество*. Общество принимаемъ мы здѣсь въ его основномъ глубокомъ значеніи. Это не человѣкъ одинъ, но это и не куча людей, случайно или по внѣшнимъ причинамъ собранныхъ вмѣстѣ, причемъ каждая личность или сохраняетъ свою отдѣльность, какъ въ каждой ассоціаціи, или совершенно уничтожается въ одной массѣ, какъ въ грубомъ обществѣ, походящемъ на стадо. Общество же, въ истинномъ смыслѣ, совсѣмъ другое дѣло: общество есть такой актъ, въ которомъ каждая личность отказывается отъ своего эгоистическаго обособленія, не изъ взаимной своей выгоды, какъ въ ассоціаціи, гдѣ соединяясь въ совокупную силу съ другими, она сохраняетъ и даже усиливаетъ свою внутреннюю отдѣльность, а изъ того общаго начала, которое лежитъ въ душѣ человѣка, изъ той любви, изъ того братскаго существа, которое одно можетъ созидать истинное общество. Общество даетъ возможность человѣку не утратить себя (тогда бы не было общества), но *найти себя* и слышать себя *не въ себѣ*, а въ общемъ союзѣ и согласіи, въ общей жизни и въ общей любви. Для такого явленія нужно, разумѣется, чтобъ не одна, но всѣ личности извѣстной совокупности людей отказывались отъ своей внутренней одинокости и чувствовали себя въ общемъ цѣломъ. Уже

одно это, уже одно существованіе такого общества есть нравственный подвигъ — подвигъ любви и разумѣнія духа, освобождающагося своею общею стороною. Повторяемъ: личность не уничтожается здѣсь, какъ увѣряютъ защитники особничества; напротивъ, она отрѣшается лишь отъ своего эгоизма и, постоянно погружаясь въ общее любовное согласіе, постоянно слышитъ себя въ этой общей согласной любви и восходитъ, слѣдовательно, въ высшую область духа. Таково общество въ настоящемъ своемъ смыслѣ. Эта область такъ высока, что человѣку достойно нельзя осуществить ее на землѣ. Но если достиженіе невозможно для человѣка на землѣ, то для него возможно стремленіе и постоянное приближеніе къ этой истинѣ. По своему стремленію, по своимъ усиліямъ судится человѣкъ. Весь вопросъ въ томъ: *во что онъ вѣритъ и куда стремится?* Если бы только тотъ могъ назваться христіаниномъ, кто осуществляетъ въ себѣ это имя, то не было бы ни одного христіанина на землѣ, ибо христіанскаго совершенства человѣкъ не достигаетъ; но тотъ человѣкъ достоенъ назваться христіаниномъ, кто вѣритъ во Христа и стремится быть христіаниномъ Такъ и общество — какъ мы его опредѣлили — нельзя найти на землѣ въ совершенномъ видѣ, вполнѣ осуществленнымъ; но оно существуетъ уже тамъ, гдѣ оно лежитъ какъ начало — совершенное само по себѣ и несовершенное лишь въ осуществленіи, чему обыкновенно мѣшаетъ грѣховная личность человѣка. Общество, въ своемъ истинномъ смыслѣ и въ своемъ всеобъемлющемъ размѣрѣ, есть церковь, но и церковь на землѣ — есть церковь воинствующая. Сама церковь совершенна; христіане же грѣшны и, какъ люди, часто падаютъ въ борьбѣ.

Общество, взятое со стороны своего осуществленія въ людяхъ, являясь часто въ отдѣльныхъ ограниченныхъ видахъ можетъ только приближаться къ тому, чѣмъ оно должно быть. Подобное общество, наиболѣе приближающееся къ своему идеалу, представляютъ христіане первыхъ вѣковъ.

Но какъ мы сказали, одно признаніе общества какъ начала, не зависимо отъ его осуществленія, есть уже нравственная заслуга. Такое признаніе общества какъ начала и стремленіе осуществить его въ жизни, становитъ высоко тѣхъ людей или тотъ народъ, которые имѣютъ такое начало и такое стремленіе. Такое общество или, вѣрнѣе, такое начало общества можетъ быть встрѣчено и у не-христіанъ, у язычниковъ даже, у которыхъ можетъ быть предчувствіе христіанской истины. Есть такой народъ, который еще до христіанства имѣлъ общество какъ начало — начало, которое освятилось потомъ принятіемъ христіанства. Это народъ русскій, усвоившій себѣ издревле высокую идею *общины*. Отъ того-то такъ глубоко принялъ онъ христіанство въ душу и весь имъ проникся. Такъ какъ общество, въ своемъ высокомъ, настоящемъ смыслѣ, не есть

натуральное, прирожденное явленіе человѣка, то для пониманія и признанія общества какъ начала, нуженъ уже подвигъ духовный. По отношенію человѣка къ великому вопросу общества можно судить о степени образованія человѣка, принимая слово образованіе въ смыслѣ духовной высоты. Русскій народъ понялъ общество важно и строго; оно явилось у него, съ незапамятныхъ временъ, во всей истинѣ своего значенія и получило свое русское многознаменательное именованіе: *міръ*. Вотъ почему такъ высоко стоитъ по образованію своему русскій крестьянинъ, весь проникнутый доселѣ своимъ древнимъ началомъ общества, міра *).

Предпославъ эти строки, обратимъ теперь вниманіе на ходъ и проявленіе общественнаго начала въ человѣкѣ.

Въ человѣкѣ есть разумное, сознательное начало *личности*, отдѣляющее его отъ природы. Это начало можетъ вознести его до небесъ и низвергнуть до ада. Личность дана человѣку съ тѣмъ, чтобъ онъ сознательно и свободно побѣдилъ ее въ себѣ и нашелъ для нея центръ не въ ней самой, а въ Богѣ. Начало личности есть грѣшное начало, какъ скоро личность служитъ себѣ, и становится высокимъ подвигомъ, какъ скоро личность отрекается отъ себя и служитъ не себѣ, а отказывается отъ себя, полагая центръ не въ себѣ, а въ истинѣ и любви братской и образуетъ общество. Въ природѣ видимъ мы съ одной стороны единицу, съ другой — множество—и то и другое въ численномъ количественномъ отношеніи; ни единица, ни множество не имѣютъ въ природѣ самостоятельнаго значенія : единица теряется во множествѣ, множество заслоняется единицею. Нѣтъ личности — нѣтъ и общества. Человѣкъ же, который есть сознательная единица, собственнымъ сознательнымъ подвигомъ долженъ образовать союзъ высокой любви или общество. Этотъ подвигъ, эта борьба личнаго грѣховнаго начала съ началомъ благимъ, общественнымъ, которое лишь при самоотверженіи личности возможно и при которомъ просвѣтляется себя побѣдившая личность — эта борьба исполняетъ всю жизнь человѣка и человѣчества и начинается для человѣка съ самыхъ первыхъ дней рода человѣческаго...

---

*) Слѣдующія затѣмъ страницы рукописи были нѣсколько разъ передѣлываемы и переписываемы авторомъ, наконецъ въ исправленномъ видѣ были включены въ позднѣйшій списокъ всей статьи, сдѣланный рукою самого Константина Сергѣевича. Но видно, что авторъ все еще былъ недоволенъ своимъ изложеніемъ: при новомъ просмотрѣ (вѣроятно въ послѣдній годъ своей жизни), онъ зачеркнулъ снова нѣсколько страницъ, сдѣлавъ надпись: «отдѣлить и передѣлать значеніе общественности». И дѣйствительно намъ удалось найти въ его позднѣйшихъ бумагахъ четыре листа рукописи, такъ сказать первоначальный *набросокъ*, который очевидно предназначался для вставки. Хотя этотъ набросокъ неоконченъ и не связанъ съ продолженіемъ статьи, но мы все-таки включаемъ его здѣсь. — *Иванъ Аксаковъ.*

Естественное стремленіе человѣка *быть вмѣстѣ*, стремленіе къ общежитію, встрѣчается на самой первой ступени человѣческаго быта. У самыхъ дикихъ народовъ есть общественный союзъ, союзъ натуральный, естественный, возникшій изъ природы человѣческой. Основанія общественной связи здѣсь чисто природныя. Единство одного происхожденія, одной мѣстности, одного климата и прочихъ естественныхъ условій — вотъ первыя основанія общественности, общественной связи, основанія не чуждыя и животнымъ, образующимъ стадо. Но человѣческое общество и на самой первой ступени не есть стадо. Къ условіямъ природы безразумной и безсловесной присоединяются въ человѣкѣ условія разумной, говорящей природы человѣческой: первое единство, связующее людей въ одно цѣлое, есть единство языка, слѣдовательно, единство разумѣнія. Здѣсь является общительный элементъ, элементъ безкорыстный, у котораго нѣтъ цѣли — выгоды, нѣтъ разсчета, элементъ, въ которомъ важна лишь радость взаимнаго общаго разумѣнія. Разумѣніе—этотъ неотъемлимый трудъ существа человѣческаго — по природѣ своей бездѣйственно быть не можетъ, и вслѣдъ за природными немедленно вступаютъ въ свои права собственно человѣческія условія: преданія, обычаи, вѣрованія и зиждется *бытъ* народа, вытекшій непосредственно изъ природы человѣческой и народной особенности, составляющій основаніе естественнаго народнаго общества.

Въ быту естественномъ начало личности дѣйствуетъ грубо, умѣряясь чувствомъ совокупности и глухо понимаемою общественностью. Дикарь готовъ служить своему эгоизму, но въ немъ живетъ естественное чувство племени, только обуздывающее этотъ эгоизмъ, и то въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ выступаетъ честь, выгода цѣлаго племени; тамъ же, гдѣ нѣтъ этой узды, эгоизмъ человѣка дѣйствуетъ съ животною жадностью.

Такой первоначальный бытъ народа есть еще непосредственная человѣческая, *природно-сознательная* связь; въ ней является цѣлость непосредственной общественной жизни, хотя колеблемая безсознательно и случайно потребностью дальнѣйшаго пути; всѣ важныя стороны жизни общественной здѣсь нераздѣльны съ элементомъ общительнымъ или общежительнымъ, главная основа котораго, какъ сказали мы, *бесѣда*, радость взаимнаго разумѣнія. Но эта непосредственная цѣлость общественной жизни, оставаясь по долгу у иныхъ необразованныхъ народовъ, не можетъ быть удержана навсегда, Общественность человѣческая должна перейти въ высшую область духа. При этомъ дальнѣйшемъ движеніи встрѣчаются разные пути, смотря потому, какое начало преобладаетъ, общественное или личное.

Общественное начало и начало личное — различны и различно проявляются. Общественное начало предполагаетъ личность и заключаетъ уже ее въ себѣ. Поэтому самому это уже есть начало

полное и высшее. Общество безъ личности существовать не можетъ; оно есть гармонія личностей. Личность отказывается здѣсь отъ своего эгоизма и находитъ себя уже не какъ отдѣльная личность, а какъ любовная совокупность личностей; переставая быть центромъ, личность становится однимъ изъ лучей, согласно истекающихъ изъ общаго любовнаго союза, невидимый центръ котораго въ Богѣ. Онъ одинъ и только Онъ — *Одинъ*.

Общественное начало, выразившееся естественно, переходитъ въ высшую область духа и является какъ общество. Мы уже опредѣлили значеніе общества. Въ общество — высшее явленіе человѣческаго духа — переходитъ естественная общественность. Въ обществѣ личность не подавляется, не исчезаетъ (какъ думаютъ, пожалуй, иные); напротивъ, здѣсь получаетъ она свое высшее значеніе, ибо только личность, чрезъ отрицаніе самой себя, какъ я, какъ центра, доходитъ до согласія личностей, до новаго явленія, гдѣ каждая личность является въ любовной совокупности личностей; такимъ образомъ, актъ общества есть актъ совокупнаго самоотверженія. Только личность чрезъ высокій подвигъ самоотверженія можетъ образовать общество. И такъ, личностъ въ обществѣ не исчезаетъ; она дѣйствуетъ, но устремляясь не къ себѣ, а къ общему согласію; не теряясь, но находя себя какъ согласная совокупность взаимно отрекшихся отъ своей особничности, взаимно самоотверженныхъ личностей, слышащихъ себя въ общемъ дружномъ союзѣ всѣхъ.

Таково общество въ своемъ истинномъ смыслѣ: здѣсь становится оно *общиной*. Община является въ человѣкѣ какъ начало, къ которому онъ стремится. Народъ, понявшій высокій смыслъ общины и взявшія ее какъ начало — есть народъ славянскій и преимущественно русско-славянскій народъ, образовавшій у себя «міръ» еще до христіанства; мы сказали, впрочемъ, что начало общины, проявляясь на землѣ отдѣльными общинами въ народѣ, даже смыкая весь народъ въ одну общину, все-же еще не совершенно. Высшій, истинный образъ общины есть церковь — община, объемлющая все человѣчество, переступающая конечные нредѣлы и полагающая свое средоточіе въ Богѣ. Богъ Христосъ есть глава церкви, вѣчной вселенской общины. И такъ, вотъ проявленіе въ человѣкѣ начала общественнаго, начала божественнаго, въ Богѣ имѣющаго свое средоточіе. Это единственное начало любви и добра. Это начало принялъ славянскій міръ.

Совершенно иное начало личности. Здѣсь личность является сама средоточіемъ. При началѣ общественномъ средоточіе лежитъ внѣ личности; при началѣ личномъ средоточіе лежитъ въ личности. Личность есть явленіе цѣльное, *одно*. Являясь въ человѣкѣ и вообще въ духѣ конечномъ, личность, имѣющая средоточіе въ себѣ, примыкаетъ къ себѣ, какъ средоточію, все внѣ себя находящееся; лишь

къ себѣ стремится, лишь себя любитъ. Любовь къ себѣ — эгоизмъ — исключаетъ любовь къ другимъ, весь міръ, всѣ личности служатъ ей питаніемъ. Личность есть начало *единаго*. И такъ какъ единый внѣ Бога есть явленіе конечное и ограниченное, то это конечное начало единаго, не будучи въ состояніи обнять весь міръ, стремясь быть единымъ, все внѣ себя уничтожаетъ. Начало личное есть начало зла; отношеніе личнаго начала есть вражда и ненависть. *Одинъ* только Богъ, и онъ одинъ есть любовь, ибо онъ Богъ и все объемлетъ. Онъ Одинъ есть лицо, ибо Онъ одинъ, внѣконеченъ, ибо Богъ Одинъ и *Все*. Одинъ *внѣ* Бога — есть сатана. Конечная личность только чрезъ самоотверженіе, чрезъ отрицаніе себя въ Богѣ, достигаетъ до Бога и до добра; единица личности, лишь отвергаясь себя какъ единицы, очищается и просвѣтвляется. Лишь чрезъ любовь, чрезъ самоотверженіе, чрезъ общину и чрезъ церковь досягаетъ конечная личность до Бога. Богъ — Одинъ. Богъ — Лицо, таинственно являясь въ трехъ ипостасяхъ.

Личное начало есть начало эгоизма, есть источникъ зла. Личность, находя въ себѣ средоточіе, все пожираетъ, все обращаетъ въ снѣдь себѣ, жаждетъ и томится вѣчнымъ голодомъ. Это — жажда грѣха. Ядъ личности умѣряется общественными условіями.

Личное начало, являясь живущимъ, какъ множество себѣ подобныхъ и вступая въ обществѣ, образуетъ это общество иначе. Здѣсь прежде всего мы встрѣчаемся съ поклоненіемъ личности въ одномъ человѣческомъ лицѣ, поклоненіемъ, выработавшимся въ обществѣ азіятскомъ: это устройство общества деспотическое. Въ этомъ обществѣ одно лицо живетъ въ народѣ; народъ же служитъ его подножіемъ и питаніемъ. Все приносится въ жертву этому Молоху, и весь народъ, кромѣ одного этого лица, сливается въ одну массу, въ которой нѣтъ ни личности, ни общества. Всѣ другія лица въ народѣ, имъ управляющія, суть отраженія этого верховнаго лица, отраженія постепенно блѣднѣющія. Дикіе бунты, прорывающіеся отъ времени до времени, показываютъ всю неестественность такого общественнаго опредѣленія; но эти грозы, порожденныя желаніемъ вздохнуть свободно, не освѣжаютъ воздуха, ибо не измѣняютъ порядка. Такой деспотическій порядокъ имѣетъ свои видоизмѣненія въ исторіи, свои уклоненіи, вытекающія изъ лжи такого устройства. Такова Азія.

Въ народахъ Европейскаго Запада личное начало стало исходнымъ пунктомъ, основою ихъ общественной жизни, какъ скоро эта жизнь вышла изъ цѣлости непосредственной. Но въ Европѣ это начало представляетъ совершенную противоположность таковому же началу въ Азіи. Въ Азіи личность признается какъ начало въ *одномъ* лицѣ; въ Европѣ въ *каждомъ*. Такое признаніе породило явленіе противоположное, но равно чуждое общинѣ. Скажемъ, что,

вырываясь изъ непосредственнаго общественнаго быта, изъ подъ историческихъ условій, устройство общественное Европы прошло сквозь много переходовъ. Мы не намѣрены разсматривать этотъ любопытный историческій ходъ, эти измѣненія западнаго общественнаго устройства. Въ сущности оно одно. Личность, признаваемая въ каждомъ, естественно разрываетъ общество на столько частей, сколько личностей, естественно дѣлитъ оное на единицы. Разрозненныя единицы не могутъ однако же жить порознь; ихъ удерживаетъ къ тому породная сила, племенная естественная связь, изъ которой онѣ произошли; общежительность никогда не оставляетъ человѣка. Но, кромѣ этихъ естественныхъ, прирожденныхъ условій, личность видитъ выгоду жить вмѣстѣ и помогать другъ другу; и такъ, для личности, даже не подлежащей естественнымъ и историческимъ условіямъ является просто разсчетъ, вслѣдствіе котораго необходимо жить вмѣстѣ. Этотъ-то разсчетъ и есть та связь, которая легла въ основаніе европейскаго общества, кромѣ естественныхъ условій, столь долго сохраняющихъ свою силу.

При началѣ особничности человѣкъ видитъ однако пользу и выгоду союза съ людьми, и этотъ союзъ, возникшій сперва вслѣдствіе естественныхъ причинъ, удерживается, сверхъ того, и сознательно. Но этотъ союзъ, вытекающій изъ разсчета взаимной пользы, становится условнымъ соединеніемъ людей: общества въ настоящемъ смыслѣ здѣсь не возникаетъ. Люди здѣсь также отказываются отъ излишества своей личности, или — лучше: ограничиваютъ взаимно свои личности, но чисто внѣшнимъ образомъ, вслѣдствіе простого разсчета, что человѣкъ человѣку нуженъ, а чтобъ жить вмѣстѣ и не разсориться — нельзя давать себѣ полной воли. И такъ, здѣсь люди отказываются отъ излишняго произвола только потому, что произволъ вызоветъ произволъ другого и выйдетъ драка. Желая, чтобъ меня не тронули, я не трону другого. Вотъ единственный разсчетъ такого общественнаго союза. Такимъ образомъ возникаетъ союзъ людей, похожій на общество — но это не общество, это общественный контрактъ, общественная сдѣлка. Средоточіемъ здѣсь остается личность человѣка; личность, принужденная, для своей личной выгоды, явиться въ совокупности съ другими личностями, признаетъ чужую личность для того, чтобъ ее признали въ свою очередь, и условно ограничиваетъ себя, чтобы избѣжать ссоры. Любви нѣтъ въ этомъ кругѣ людей; она является совершенно лишнею при удержанномъ во всей силѣ эгоистическомъ началѣ личности и при сдѣлкѣ, отсюда возникшей; такая сдѣлка при личности, какъ средоточіи — личности, все стремящейся поглотить въ себя — необходима; что же иначе можетъ удержать личность? Только сдѣлкою достигается здѣсь наружный міръ и наружное согласіе; другой связи, связи любви, связи истинно общественной между ними — нѣтъ. Это —

сдѣлка эгоизмовъ, совершенно возможная и между бездушными разбойниками, не терпящими другъ друга или равнодушными другъ къ другу.

Начало личности поднялъ западъ Европы, и потому въ немъ нѣтъ общества въ истинномъ смыслѣ, а на мѣсто того — общественная сдѣлка. Съ другой стороны это начало личности, признаваемой въ каждомъ, пробуждаетъ къ дѣятельности личныя силы и способности человѣка, и это эгоистическое начало облекается въ блестящую одежду, сопровождается изумительною дѣятельностью, гордо и красиво. Понятое въ каждомъ, представляетъ оно совершенно противоположную картину азіятскому началу личности, признанному въ одномъ человѣкѣ. Коснѣніе есть непремѣнная принадлежность начала азіятскаго; цѣлый безмолвный народъ недвижно стоитъ подножіемъ одного лица; всѣ силы народныя лишены всякой самобытности и служатъ лишь средствами одному лицу, которое все-таки безсильно своей одинокостью. Движеніе есть элементъ западно-европейскаго начала: всякій подаетъ свой голосъ, всякій предъявляетъ свои права, всякій даетъ другимъ свое, чтобъ получить отъ другихъ ихнее; умъ блещетъ, страсти кипятъ, таланты приносятъ плоды. Здѣсь начало личности, начало зла, не является безсильнымъ, бездѣйственнымъ, слабымъ и ничтожнымъ. Нѣтъ, именно оно облечено въ поражающій блескъ, исполнено энергіи, дышетъ красивой гордостью и обладаетъ всевозможными эффектами. Развѣ самая корысть, зависть не напрягаютъ силъ, не совершаютъ великихъ, блестящихъ дѣлъ? Но это нисколько не измѣняетъ ихъ низкой природы и свидѣтельствуетъ только о дѣятельности начала зла. Злодѣй, въ которомъ мы можемъ удивляться энергіи и уму, тѣмъ не менѣе злодѣй. Существо человѣческое, какъ бы ни былъ лживъ путь его, не можетъ быть само по себѣ положительно злымъ; но начало, имъ принятое, можетъ быть зломъ положительнымъ. Начало личности, принятое западомъ, есть положительное зло — зло тѣмъ сильнѣйшее, тѣмъ опаснѣйшее, что оно плѣнительно и дѣйствуетъ своею прелестью на умъ, на чувства; но и на этой ложной дорогѣ человѣкъ являетъ освобождающіяся отъ лживаго покрова частнымъ образомъ, въ томъ или въ другомъ случаѣ, добрыя стороны своей души.

Какъ ни блестящъ, ни хитеръ, ни дѣятеленъ Западъ съ своимъ красивымъ личнымъ началомъ, но никогда не можетъ онъ сравниться съ тѣмъ высшимъ разумѣніемъ, съ тою мудростью, до которой можетъ дойти лишь община. Какъ ни блестящъ, ни разнообразенъ Западъ извнѣ, но онъ не можетъ наполнить нравственной пустоты, лежащей внутри его, того изсушающаго начала личности, которое выбралъ онъ своею исходною точкою; какъ ни старается онъ обработать свое общественное устройство, но оно остается тѣмъ же, тою же бездушною сдѣлкою эгоистическихъ личностей.

Начало личности, выразившееся на Западѣ, имѣетъ свой историческій ходъ. Оно выразилось въ народахъ, сокрушившихъ Римскую имперію. Свѣтъ христіанства, упавшій на эти народы, отразился искаженно. Оно не вошло въ жизнь западнаго общества, которому христіанскія начала такъ противоположны, но образовалось тамъ какъ особое общественное устройство на той же почвѣ личнаго начала, въ той же личной средѣ. Сперва выдвинулась одна духовная личность папы, подъ вліяніемъ воспоминаній римскаго деспотизма (похожая на личность азіятскаго деспота), обобравшая совѣсти у людей и лишившая ихъ всякой свободной нравственной дѣятельности. Потомъ личность каждаго возмутилась противъ духовнаго деспотизма и сдѣлала христіанство личнымъ достояніемъ каждаго, не понявъ его цѣлости, не образовавъ общины церкви.

Въ жизни общественной, внѣ христіанскаго общественнаго устройства, были свои переходы. Духъ народовъ и историческія условія содѣйствовали образованію общественной сдѣлки и опредѣляли ее. Общественныя формы на западѣ слагались насильственно; явился рядъ завоевателей и подъ ними рядъ завоеванныхъ. Завоеванные образовали чернь; завоеватели или высшіе благородные классы — аристократію. Эти то верхніе классы составили между собою сдѣлку, относясь къ простому народу, какъ одна цѣлая гнетущая масса завоевателей къ массѣ завоёванной; между этими двумя массами не было никакихъ соглашеній: было одно право — право сильнаго; одна сдѣлка — сдѣлка меча. Сдѣлка общественная принимала видъ феодальной системы, потомъ монархической, какъ скоро ослабѣвала энергія личности въ высшихъ классахъ. Въ подробности и оттѣнки исторіи Запада мы не вдаемся: скажемъ объ этомъ только нѣсколько словъ. Завоёванный классъ или чернь впослѣдствіи взбунтовалась и добыла себѣ *вольность* но не *свободу*, которая не добывается бунтомъ, которая можетъ существовать только въ общинѣ *), и приняла участіе въ общественной государственной сдѣлкѣ. При революціи народъ не уничтожалъ сдѣлки, мимо его составившейся, а только хотѣлъ принять въ ней участіе; не свергалъ ига завоевателей, а только хотѣлъ втѣсниться въ ихъ ряды, стать на ихъ же мѣсто, пользоваться самъ ихъ же правами. Вотъ почему революція не измѣняетъ порядка вещей; она есть тотъ же порядокъ, только вывороченный на изнанку; она не вноситъ свободы: таково свойство всякой революціи, всякаго насильственнаго переворота. Завоеванная, подавленная часть народа добыла себѣ участіе въ общей сдѣлкѣ, которая наконецъ опредѣлилась яснѣе какъ конституція, и

*) Въ рукописи, противъ этого мѣста, сбоку рукою автора написано, какъ бы для памяти: «Деспотъ и рабъ равно не свободны. Въ общинѣ личность *добровольно* отрѣшается отъ себя, отъ деспотизма произвола и слѣдовательно отъ рабства, и пріобрѣтаетъ *свободу*. Свобода въ духѣ и любви, въ Богѣ.»

приняла самый видъ контракта на бумагѣ. Какъ во всякомъ общественномъ союзѣ, основанномъ на сдѣлкѣ, лежитъ эгоизмъ, то всякій такой общественный союзъ, возникающій исторически внутри государства и являющійся какъ сословіе — объ остальныхъ сословіяхъ народа знать не хочетъ; только опасность съ ихъ стороны и потомъ разсчетъ выгоды заставляетъ признать ихъ право. Но постоянная враждебность лежитъ между ними. Такъ, аристократія не хотѣла знать правъ остального народа; такъ мѣщанство въ свою очередь не хотѣло знать низшаго сословія, черни. И когда угнетенная сторона, къ которой примкнуло мѣщанство, пріобрѣла права — то мѣщанство одно воспользовалось этими правами: самое право избирать представителей было отнято у бѣдныхъ. Такимъ образомъ Европа даже и въ настоящее время исключаетъ изъ своей общественной сдѣлки самый бѣдный классъ народа и, слѣдовательно, общее начало свое — начало личности, признаваемой въ каждомъ — не распространяетъ еще на дѣлѣ на каждаго *). Тамъ, гдѣ начало личности признано за основаніе, тотъ, въ комъ оно не признано, является существенно уничтоженнымъ. И такъ, начало личности еще не распространено въ Европѣ на каждаго; много историческихъ условій ограничиваютъ это распространеніе, и хотя такое ограниченіе вытекаетъ и изъ эгоизма, однако оно сопровождается благими послѣдствіями и спасаетъ Европу отъ конечнаго истребленія въ ней всего добраго, всего живого **).

Но всего сильнѣе выразилось это начало въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Въ западной Европѣ много еще естественныхъ племенныхъ элементовъ, много даже противорѣчащихъ добрыхъ побужденій, хотя подавленныхъ началомъ, которое она избрала, много преданій, много воспоминаній о первоначальныхъ дняхъ своихъ; все это болѣе или менѣе умѣряетъ жестокость эгоистическаго начала. Но въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ никакихъ подобныхъ неудобствъ. Самая почва ихъ — почва новая, чужая. Вся составленная изъ выходцевъ, свободная даже отъ племенныхъ связей, незнающая даже дней первоначальныхъ, даже не народъ — Сѣверная Америка вся насквозь проникнута эгоистическимъ, холоднымъ началомъ и вся представляетъ обширную общественную сдѣлку людей между собою, лишонную всякой любви — сдѣлку спо-

*) Авторъ упустилъ здѣсь изъ виду всеобщую подачу голосовъ (le suffrage universel), введенную во Франціи съ 1848 г. Впрочемъ — это новаго вида ложь. — *Иванъ Аксаковъ.*

**) Здѣсь сбоку рукою автора написано: «условность есть слѣдствіе личнаго начала». Вѣроятно, авторъ хотѣлъ здѣсь выразить ту мысль, что въ Европѣ еще сохраняются мѣстами массы простого народа, не пріявшія въ душу начала государственнаго, не вкусившія отъ условности и формализма внѣшней государственной правды, и еще живущія подъ закономъ правды внутренней. *Ив. Аксак.*

койную, крѣпкую, ибо основанную на себялюбивомъ разсчетѣ; развѣ только личныя страсти могутъ на минуту заставить забыть этотъ разсчетъ; въ предѣлахъ же сдѣлки эти страсти дѣйствуютъ со всею своею пожирающею силою. Нигдѣ нѣтъ такого полнаго признанія этой личности въ каждомъ, какъ въ общественной сдѣлкѣ Сѣверной Америки; нигдѣ нѣтъ такой страшной дѣятельности, устремленной главное на выгоду, какъ въ Сѣверной Америкѣ; и за-то нигдѣ нѣтъ такого страшнаго эгоизма, такого бездушнаго тиранства и униженія себѣ подобныхъ, какъ въ Сѣверной Америкѣ, убивающей, разводящей и продающей людей, исключенныхъ общественною сдѣлкою, людей, непризнаваемыхъ людьми, несчастныхъ негровъ *). Какъ бы широко ни была составлена общественная сдѣлка, какъ бы въ предѣлахъ своихъ ни признавала она всякую личность, все же она эгоистична, какъ сдѣлка, относительно всего внѣ ея находящагося; она признаетъ существованіе другихъ народовъ и человѣческихъ обществъ только изъ страха и изъ выгоды. Вражда лежитъ тайно въ основѣ. Ожесточенный бой возможенъ каждую минуту. Одно, повидимому, могло бы отвратить эту опасность. Если бъ все человѣчество на всемъ земномъ шарѣ отказалось отъ всѣхъ народныхъ и другихъ нравственныхъ общественныхъ условій, отъ высшихъ связей вѣры, обратилось въ разрозненныя единицы, въ эгоистическія личности и составило одну всеобщую сдѣлку, основанную на эгоистическомъ разсчетѣ каждаго — тогда это была бы всеобщая смерть жизни на землѣ. Механическое начало условности восторжествовало бы безпрепятственно и все человѣческое общество обратилось бы тогда въ машину. Умъ въ человѣкѣ обратился бы въ смыслъ, служащій для матеріальныхъ улучшеній, изобрѣтеній, и органическаго живого осталось бы въ человѣкѣ только его физическая грубая сторона. Человѣкъ сталъ бы ненуженъ міру, безполезенъ на землѣ.

Самое сильное проявленіе начала личности и условности, самую рѣзкую противоположность началу общины и свободѣ жизни представляетъ въ наше время Сѣверная Америка. Это великолѣпная общество-машина.

Но не таково, конечно, призваніе человѣка. Но духовныя потребности живутъ въ немъ и не падутъ въ борьбѣ съ матеріальнымъ смысломъ. Но есть русскій народъ, вѣрующій въ высокое начало общины, народъ, который долженъ сказать міру слово жизни и разума.

Мы сказали, что самый первоначальный общественный элементъ есть элементъ общительный или общежительный, встрѣчающійся на самыхъ первыхъ ступеняхъ человѣчества, въ непосредственной цѣ-

*) Напоминаемъ читателямъ, что эта статья была написана еще до освобожденія негровъ въ Америкѣ. — *Иванъ Аксаковъ.*

лости общественнаго естественнаго быта. Какая судьба его при дальнѣйшемъ ходѣ общества?... *)

Общество, въ истинномъ смыслѣ своемъ, или община цѣльно выражаетъ и заключаетъ въ себѣ всѣ общественныя стороны, всю общественную жизнь, со всѣмъ ея разнообразіемъ, во всѣхъ ея значеніяхъ и видахъ. Элементъ собственно общительный, возвышенный обществомъ, какъ братское общее веселіе жизни, вмѣщается тутъ же. Такое общество въ истинномъ смыслѣ своемъ представляетъ *міръ*, образовавшійся въ русскомъ народѣ и вообще въ славянскомъ племени. Тотъ же «міръ» ходитъ на сходку и водитъ хороводъ; ибо здѣсь все основано на внутреннемъ высшемъ единствѣ, образующемъ изъ людей общественное цѣлое, въ минуту ли строгой думы, въ минуту ли свѣтлаго веселія. Чѣмъ же долженъ явиться этотъ общительный элементъ при общественной сдѣлкѣ, ставшей основой общественнаго устройства на Западѣ? Общественная сдѣлка, принимающая немедленно государственное значеніе, какія бы ни носила она тамъ наименованія, общественная сдѣлка, откинувъ всякое внутреннее нравственное основаніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, общественную цѣлость и единство, взявши въ основу одинъ холодный разсчетъ личныхъ эгоизмовъ, отдѣлилась и отъ общительнаго элемента, исключивъ его вовсе изъ себя. Сдѣлка, по условности своей, исключаетъ изъ себя элементъ общительный, имѣющій въ себѣ непосредственный, естественный, слѣдовательно *не* условный характеръ. Съ другой стороны, эта сдѣлка отняла у общежитія всякій серьёзный смыслъ. Общительный элементъ, *лишонный*, при общественной сдѣлкѣ, всякаго серьёзнаго значенія, остался одинъ, опустѣвшій, такъ сказать, совершенно. Вовсе исчезнуть онъ не могъ, ибо естественное, врожденное отъ природы, общительное стремленіе не могло уничтожиться, но онъ сталъ пустъ и быстро развился своею легкою, пустою стороною. Онъ развился именно въ тѣхъ классахъ, гдѣ сдѣлка наиболѣе имѣла мѣсто, то-есть въ аристократіи. Невѣжество и вообще первобытное состояніе оставлены были въ удѣлъ черни; на нее смотрѣли съ гордымъ и спокойнымъ презрѣніемъ, оставляя ее въ предѣлахъ естественныхъ потребностей, которыя снисходительно за нею признавались. Образованность стала удѣломъ высшихъ классовъ. Общительный элементъ въ простомъ народѣ на Западѣ оставался долго на степени первобытной грубой связи, огрубѣвшей еще болѣе отъ гнета завоевателей. Въ высшихъ классахъ этотъ элементъ, не переходя въ сущности за предѣлы природной общительности, но совершенно ставши пустымъ при сдѣлкѣ, отнявшей у него всякій серьёзный смыслъ, развился со всею легкостью и быстротою пустоты.

---

*) Здѣсь кончается тотъ черновой набросокъ, который, вѣроятно, предполагался для вставки. — *Иванъ Аксаковъ.*

Въ черни была грубая, общая всѣмъ людямъ на этой ступени, естественность; въ высшихъ классахъ была искусственность отношеній, далеко не общая всѣмъ, вслѣдствіе чего и самой естественный общительный элементъ подвергся въ высшихъ классахъ искусственной переработкѣ. Общительный естественный элементъ, общій всѣмъ людямъ, какъ природный, становится также общимъ въ области духа, въ *обществѣ* (въ истинномъ смыслѣ этого слова); тамъ возвышается онъ и дѣлается свободнымъ достояніемъ человѣка. Но здѣсь, при сдѣлкѣ, при аристократіи, общительный элементъ не перейдя въ свободную область духа, но отойдя отъ своей первобытной естественности, ставши удѣломъ высшихъ, исключительныхъ классовъ, долженъ былъ уже по этому самому стать исключительнымъ. Притомъ, такъ-какъ сдѣлка эта, эта образованность, явилась въ высшихъ классахъ, отдѣлённыхъ отъ черни, то общественность, при сдѣлкѣ въ этихъ классахъ возникшая, получила новый оттѣнокъ исключительности. Къ нему присоединился характеръ аристократизма этихъ верхнихъ классовъ и презрѣніе къ простому народу—и вотъ образовалось то, что̀ называется la société. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій, эта новая общительность (société), въ сущности только естественная и даже болѣе естественная, чѣмъ грубая общительность, ибо все серьёзно-человѣческое было отнято отъ нея и выражено отдѣльно, въ сдѣлкѣ. Эта общительность выработалась въ искусственное устройство, которое приняло и свое особое названіе: *свѣтъ* (monde), названіе гордое, ибо вмѣсто того, чтобъ быть широкимъ, всеобъемлющимъ, оно, напротивъ, стало исключительнымъ, тѣснымъ. Означая только извѣстное собраніе людей и называясь въ то же время *свѣтомъ* (monde), это общественное устройство уничтожаетъ, слѣдовательно, нравственно всѣхъ остальныхъ людей. Извѣстное наименованіе простого народа: *la canaille* подтверждаетъ такой смыслъ *свѣта*. Когда впослѣдствіи эта canaille взбунтовалась, добыла себѣ права и приняла участіе въ общественной государственной сдѣлкѣ или конституціи — свѣтъ, сохраняя тѣмъ не менѣе свою аристократическую сомкнутость, распространилъ тогда отъ себя свою атмосферу надъ остальнымъ народомъ, съ тою же — только расширенною — исключительностью, и въ самомъ народѣ образовалъ народную, аристократическую общественную массу, именно *публику* (le public), заслоняющую народъ — массу, которая, всплывая на поверхность, собственно и соприкасается какъ съ вопросами государственной сдѣлки, такъ и съ другими общественными или—лучше—публичными вопросами, а народъ по прежнему остается въ сторонѣ.

Замѣчательно, что исключительная община на Западѣ (свѣтъ, monde) приняла названіе сходное съ тѣмъ, какое приняло общество въ русскомъ народѣ: *міръ*. Но русскій языкъ различилъ въ самомъ

словѣ эти два понятія: *міръ*, *свѣтъ* — названія по наружности сходныя; но какая огромная разница, можно сказать, совершенная противоположность лежитъ между тѣмъ и другимъ. *Міръ*, неизвѣстный западной Европѣ, есть общиство во всемъ своемъ великомъ, истинномъ смыслѣ, общество человѣческое и потому доступное для всякаго человѣка, который приметъ нравственныя начала *міра*. Наименованіе — *міръ*, означающее съ одной стороны единство, съ другой — всеобъемлемость, вполнѣ здѣсь законно. *Міръ* открытъ всякому, кто, разумѣется, приметъ единство общественнаго основанія. Вотъ почему *міръ*, въ противоположность *свѣту*, встрѣчается на дѣлѣ преимущественно въ томъ состояніи народа, которое не имѣетъ никакихъ внѣшнихъ отличій и привилегій, именно въ такъ называемомъ простомъ народѣ; впрочемъ, конечно и человѣкъ всякаго состоянія можетъ быть въ *мірѣ*, какъ скоро собственныя отличія и привилегіи не составляютъ для человѣка какого-то нравственнаго права, какъ скоро человѣку выше всего его человѣческое достоинство. Но даже законное пользованіе преимуществами, не составляя препятствія, смущаетъ человѣка, а потому затруднительно для него общество — *міръ*, а потому и встрѣчается онъ преимущественно въ простомъ народѣ. *Свѣтъ*, по названію своему, имѣя притязаніе на всеобъемлемость, исключителенъ, сомкнутъ, аристократиченъ, послѣдовательно уничтожаетъ нравственно всѣхъ людей внѣ себя. Но *свѣтъ* долженъ быть разсмотрѣнъ и опредѣленъ точнѣе.

И первобытное естественное общество и общество въ высшемъ смыслѣ имѣютъ непремѣнно единство основанія : или хранящееся въ единствѣ естественной жизни или въ единствѣ духовнаго начала. Наконецъ, всякая общественная сдѣлка или контрактъ, всякая ассоціація и конституція имѣетъ единство основанія, съ тою разницею, что здѣсь это единство не внутреннее, а внѣшнее; основа общественнаго единства здѣсь не въ естественной жизни и не въ свободѣ духа, а внѣшнее условіе — писаная бумага. *Свѣтъ* есть также общественное явленіе. Онъ, какъ было сказано, вытекая изъ естественной общительной потребности, неудовлетворенной общественною сдѣлкою, лишонъ всякаго строгаго значенія общества, ибо вся положительная и въ этомъ смыслѣ серьёзная сторона общественной жизни, выражаемая общественною сдѣлкою, ассоціаціею, въ разныхъ государственныхъ ея видахъ. Поэтому *свѣтъ*, даже и въ наружномъ видѣ, не представляетъ опредѣленнаго союза, какой видимъ мы въ ассоціаціи, носящей на себѣ внѣшнее условіе единства. Въ сущности свѣтъ не пошолъ далѣе естественной общительности, но удержалъ только пустую ея сторону: онъ развилъ ее съ этой стороны, подчинилъ ее особымъ условіямъ и, нарушивъ ея простоту, сдѣлалъ искусственною. Свѣтъ необходимо соединяется съ понятіемъ аристократическимъ. Названіе свѣта, вмѣсто того,

чтобъ быть всеобъемлющимъ, стало исключительнымъ, и первое, что́ оно исключило, это самого человѣка, ибо чтутся лишь внѣшія его преимущества и отличія. Но чтобъ быть исключительнымъ и въ то же время носить названіе *свѣта*, свѣтъ долженъ былъ нравственно уничтожить, презрѣть всѣхъ остальныхъ людей внѣ свѣта. Такъ и дѣлается. Идея свѣта, лишонная всякаго строгаго содержанія съ одной стороны, съ другой—лишонная естественной связи общенароднаго преданія, общенародныхъ обычаевъ, стала пустою, легкою, внѣшнею. Свѣтъ не собирается на думу, не рѣшаетъ гражданскихъ вопросовъ, не представляетъ даже мнѣній народныхъ: онъ представляетъ въ своихъ извѣстныхъ предѣлахъ одну общественность людей, безъ всего этого.

Но если свѣтъ — какъ оно и есть — явленіе общественное, то какое же общее основаніе, какое же единство свѣта? Что́ связуетъ въ одно общественное цѣлое всѣхъ его гражданъ? Общія нравственныя начала? Общія духовныя убѣжденія? Совсѣмъ нѣтъ. Мы очень хорошо знаемъ и свѣтъ знаетъ лучше всѣхъ, что двусмысленные и недвусмысленные люди, нечистые и даже просто чорные въ нравственномъ отношеніи, будучи извѣстны за такихъ свѣту, занимаютъ въ немъ мѣсто, да еще иногда и почетное. Мы знаемъ, и свѣтъ знаетъ, что низость, развратъ и порокъ вообще не служатъ нисколько препятствіемъ для права гражданства въ свѣтѣ, не мѣшаютъ принадлежать къ нему. Внутреннее достоинство не берется въ разсчетъ; слѣдовательно: *нравственнаго основанія свѣтъ не имѣетъ.* Но будучи равнодушенъ къ нравственному достоинству, допуская въ себя и честныхъ и безчестныхъ, онъ, стало быть, всѣхъ допускаетъ? Вовсе нѣтъ; онъ исключителенъ; мы видимъ, что многіе не находятся или не принимаются въ свѣтскомъ обществѣ, что иные люди высокаго нравственнаго достоинства, а также иные и прочные стоятъ внѣ свѣта. Такое исключеніе и тѣхъ и другихъ, безъ разбора ихъ внутренняго достоинства, показываетъ въ тоже время, съ другой стороны, равнодушіе къ нравственному вопросу; но свѣтъ принимаетъ и исключаетъ — слѣдовательно, руководится чѣмъ-нибудь? Чѣмъ же? Нравственнаго основанія въ немъ нѣтъ, но все же есть однако какое-то другое. Какое же это общее основаніе свѣта?

Не принявъ въ основаніе нравственной, *внутренней* стороны, свѣтъ, какъ отсюда само собою слѣдуетъ, принялъ въ основаніе сторону *внѣшнюю.* Внѣшность, наружность — вотъ чему служитъ свѣтъ, вотъ что́ онъ возвелъ въ законъ, формулировалъ и обработалъ до мельчайшихъ тонкостей, отъ наружности душевной до наружности тѣлесной, отъ свѣтскихъ условій и приличій до пріемовъ и до послѣдней пуговки на платьѣ. И такъ, общее начало, общее основаніе свѣта есть — *внѣшность.* Свѣтъ есть торжественное признаніе внѣшности, наружности, личины; ему нѣтъ дѣла до нрав-

ственнаго достоинства человѣка, лишь бы соблюдалось наружное приличіе. Но внѣшность, признаваемая одна, безъ всякаго вопроса о нравственномъ внутреннемъ содержаніи, но одна личина, принятая какъ принципъ — есть уже сама по себѣ, по существу своему, сущая ложь, и ложь самая страшная. Такимъ образомъ, говоря болѣе точными словами, ложь — вотъ основаніе свѣтскаго общества. По этому свѣтъ есть торжественное исповѣданіе *лжи*, и свѣтское общество есть общество торжественно проповѣдующее ложь.

Ложь, исповѣдуемая свѣтомъ, есть самая пагубная ложь. Въ ней нѣтъ даже безнравственнаго, внутренняго начала. Признаніе началъ положительно безнравственныхъ есть въ то же время признаніе, хотя отрицательное, нравственныхъ началъ. Кто нападаетъ прямо на нравственность, кто порокъ принимаетъ открыто за начало, тотъ все-таки становитъ нравственный вопросъ, хотя бы для того, чтобъ напасть на нравственность, признаетъ ее, чтобъ отвергнуть. Такое направленіе можетъ измѣниться и обратиться на противоположный ему путь. Но тотъ, кто *равнодушенъ* къ нравственному вопросу, кто просто обходитъ его, *игнорируетъ*, тотъ его не признаетъ совсѣмъ и выкидываетъ самый вопросъ нравственный вонъ изъ жизни; такой человѣкъ требуетъ одной наружности, благовидности, а внутри можетъ лежать что угодно, до этого нужды нѣтъ: онъ удовлетворяется наружнымъ приличіемъ. Такое направленіе всего труднѣе можетъ измѣниться и перейти на истинный путь, ибо нравственная задача не трогаетъ его ни дружески, ни враждебно, она не трогаетъ его *вовсе*. Такое признаніе одной внѣшности есть начальная ложь въ самомъ родникѣ ея, откуда бьетъ она и разливается, обхватывая цѣлый міръ, въ разныхъ проявленіяхъ; такое вѣрованіе есть цѣлая религія лжи. Это не лицемѣріе даже, ибо лицемѣріе все же подчиняетъ свой гнусный обманъ внутреннему началу; лицемѣріе обманываетъ внутреннимъ же достоинствомъ, котораго нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Внѣшность у лицемѣра должна отражать на себѣ внутреннее достоинство; въ этомъ-то и обманъ лицемѣрія. Слѣдовательно, внѣшность здѣсь подчинена внутреннему началу, которое, обмана ради, ею принимается. Но свѣтъ принялъ чистую внѣшность безъ всякаго отношенія къ внутренней сторонѣ, внѣшность, которой онъ не придаетъ нисколько добродѣтельнаго вида: это было бы даже mauvais genre; нѣтъ, онъ самъ образовалъ свою благовидность, приличіе, гдѣ ни мало не намекается даже на какое-нибудь внутреннее добро, образовалъ свою бездушную наружность, не говорящую ни о какомъ внутреннемъ движеніи. Свѣтъ даже не лицемѣръ; онъ не находитъ и нужды обманывать нравственнымъ достоинствомъ, ибо онъ просто къ нему равнодушенъ, а беретъ одну внѣшность. Болѣе полнаго отрицанія нравственнаго начала, какое видимъ въ свѣтѣ, быть не можетъ. И такъ, свѣтская ложь даже не обманъ,

не лицемѣріе; обманъ и лицемѣріе — это только болѣе или менѣе ограниченное примѣненіе лжи; это все мелко передъ полнымъ отрицаніемъ даже начала нравственнаго или внутренняго, передъ цѣлымъ вѣрованіемъ въ одну внѣшность.

Свѣтъ обработалъ наружность во всемъ ея объемѣ, отъ наружности душевной — ибо человѣкъ *выражаетъ* мысли свои и ощущенія — до наружности тѣлесной. Такимъ образомъ, обративъ душу во внѣшность, научивъ душу человѣка приличію и хорошимъ манерамъ, и обезпечивъ себя съ этой стороны, выбравъ даже языкъ для приличнаго выраженія, именно языкъ французскій, свѣтъ обратилъ вниманіе на самую одежду и до безконечности ее развилъ: внѣшность обхватила всего человѣка. Полное осуществленіе этого совершенства внѣшности имѣетъ выраженіе на языкѣ свѣта, именно: *comme il faut*. Есть, впрочемъ, и другія подобныя реченія для выраженія свѣтскихъ понятій: *bon genre, mauvais genre* и т. д. Понятно, что, исповѣдуя одну внѣшность, свѣтъ необходимо долженъ былъ дать полный ходъ и выраженіе мелочности и пустотѣ, неразлучнымъ съ внѣшнею стороною человѣка, и точно: мелочность и пустота—необходимыя условія свѣтской жизни; въ ней онѣ—важное дѣло, и свѣтъ съ важностью занялся ими. Манеры, наружность и въ особенности одежда, какъ самое внѣшнее проявленіе наружности, получаютъ въ свѣтѣ огромный смыслъ и рѣшаютъ судьбу человѣка. Внѣшность, разноличная уже сама по себѣ, становится непостоянною, легко перемѣнчивою въ своемъ видѣ, какъ скоро не управляетъ ею внутреннее содержаніе. Эта перемѣнчивость, прихотливость въ выраженіи при внѣшности, какъ постоянной основѣ — необходимое условіе свѣтской области — становится закономъ для свѣта, или модой. Это — законъ безъ всякаго содержанія, слѣдствіе безъ причины, это — безосновность, принятая какъ основаніе, это — безсмысленность, поставленная на мѣсто смысла. Явись какіе угодно нелѣпые свѣтскіе обычаи и если кто-нибудь изъ гражданъ свѣта, увидавъ ихъ въ первый разъ, будетъ удивленъ, то ему отвѣтятъ: c'est la mode à présent — и для свѣтскаго гражданина довольно: онъ будетъ удовлетворенъ вполнѣ. Свѣтская жизнь, со всей своей пустотою, поняла себя какъ законъ — въ модѣ.

Значеніе свѣта огромно. Страшно и душе-убійственно это царство одной внѣшности. Губительная сила его велика и дѣйствіе его обширно. Здѣсь самый надежный оплотъ, здѣсь твердое мѣстопребываніе лжи, лжи узаконенной, приличной, безопасной и властвующей. Она выступаетъ изъ своихъ исключительныхъ свѣтскихъ предѣловъ и разливается надъ всѣмъ народомъ, принимая только, въ этомъ случаѣ, вульгарныя формы. Отдѣляя себя отъ этого своего разлива, свѣтъ именуетъ себя, выражаясь на своемъ языкѣ, то-есть на французскомъ: grand monde, beau monde, или иначе: bon genre,

называя все остальное, его окружающее: moavais genre. Но разница здѣсь только видимая; общество, которое тянется къ большому свѣту, все же—свѣтъ; оно можетъ быть mauvais genre, и въ этомъ уступать высшему свѣту, но начала его въ нравственномъ, то есть безнравственномъ отношеніи — одни и тѣже. Разница въ томъ, что при bon genre является гордое и спокойное достиженіе, а при mauvais genre — подобострастное и неловкое стремленіе къ той же цѣли. Когда же подумаешь, что великая нравственная задача человѣческаго общества обратилась въ свѣтъ, то еще сильнѣе почувствуешь все зло этой душевной болѣзни, этой проказы, поразившей такъ-называемое образованное человѣчество.

Значеніе свѣта для насъ теперь ясно. Это общество, которому до внутренняго, до нравственнаго — нѣтъ дѣла, общество, которое религіозно поклоняется одной внѣшности: слѣдовательно—*общество безнравственное.*

Любопытно теперь, чѣмъ становятся въ свѣтѣ мысль, чувство и вообще внутренняя сторона, непризнанная, но все-таки не уничтоженная, все-таки существующая какъ-нибудь въ человѣкѣ. Всѣ высокія пружины души человѣческой, мысль, чувство, негодованіе, восторгъ, заходятъ въ свѣтъ, но какъ и чѣмъ становятся они тамъ? Они понимаются съ внѣшней стороны и становятся *интересными.* Если среди свѣта раздается живая мысль, не подчиняющаяся свѣтскимъ условіямъ, облеченная въ громкое, будящее слово, то свѣтъ найдетъ, что это очень оригинально и потому интересно. Онъ даже нисколько не затруднится согласиться съ нею, хотя бы мысль рѣшительно противорѣчила самому существу его. О, свѣтское общество безопасно отъ всякаго колебанія: оно облечено непроницаемой бронею отъ всего нравственнаго и внутренняго; въ душу свѣтскаго общества не ложится мысль, не безпокоитъ, не вышибаетъ людей изъ проложенной колеи. Можетъ случиться, что слово подѣйствуетъ на отдѣльное лицо и вырветъ его изъ свѣтской среды, но сама среда, сама сфера остается неуязвимою. Освѣжить ее, исправить—нельзя, какъ нельзя ложь сдѣлать правдою. Свѣтъ — самое устройство — можетъ быть только уничтоженъ; *отъ него* можно исцѣлить, но *онъ* исцѣленъ быть не можетъ, точно также, какъ можно исправиться отъ порока, но самый порокъ исправить нельзя, можно выздоровѣть отъ болѣзни, но сама болѣзнь выздоровѣть не можетъ. Свѣтскій человѣкъ можетъ имѣть въ себѣ добро, но свѣтъ добра въ себѣ имѣть не можетъ; свѣтскій человѣкъ можетъ спастись, но свѣтъ спастись не можетъ *). Что же дѣлать живой мысли, которую обхватываетъ вся эта заразительная свѣтская атмосфера? Она удаляется,

*) Съ боку рукою автора приписана замѣтка карандашомъ: «Объ отношеніи отдѣльной личности къ свѣтскому устройству.» — *Иванъ Аксаковъ.*

или же она подчиняется свѣтскимъ условіямъ, и тогда становится она только моднымъ, щегольскимъ нарядомъ, который снимаютъ, возвратясь съ блестящаго раута или бала. Если искреннее чувство, святыня котораго также мало понятна, зайдетъ какъ-нибудь въ свѣтъ, оно также покажется оригинальнымъ, понравится даже; на него даже накинутся съ жадностью изсохшія души, какъ на какой-то рѣдкій, какъ бы освѣжающій напитокъ, но онъ не освѣжитъ ихъ. Часто и чувство, заражонное свѣтскимъ дыханіемъ, искажонное, переходящее уже въ ложь и громкія фразы, поступаетъ въ число блестящихъ душевныхъ костюмовъ, которыми иногда щеголяетъ и свѣтъ. Всѣ внутреннія движенія, всѣ порывы, весь внутренній міръ — все свѣтомъ понято съ своей внѣшней стороны, обращено въ костюмы, слѣдовательно, лишено искренности, правды, и стало фразою, ложью. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобъ эти душевные костюмы были одни и тѣ же въ постоянномъ обращеніи. Нѣтъ, на все это есть мода, ибо для мыслей и чувствъ въ свѣтѣ другихъ причинъ нѣтъ. По этому въ свѣтскомъ обществѣ много наружнаго движенія, пестроты, все измѣняется, все переливается изъ оттѣнка въ оттѣнокъ; эта обманчивая поверхностная дѣятельность, эта перемѣнчивость происходитъ именно отъ того, что нѣтъ на всякое явленіе внутренней причины, что все—одна наружность. Свѣтъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, похожъ на мѣновой рынокъ, гдѣ обмѣниваются мнимыми мыслями и чувствами, гдѣ понижается и возвышается курсъ на всѣ явленія человѣческаго міра, гдѣ предсѣдательствуетъ мода, говоря, чего требуется и чего не требуется; тамъ можно узнать справочныя цѣны всему, всѣмъ душевнымъ и умственнымъ движеніямъ и произведеніямъ. Конечно, человѣкъ независимый не на рынокъ пойдетъ справляться о достоинствѣ мысли или чувства, но тѣмъ не менѣе оглушающій гулъ этого свѣтскаго рынка дѣйствуетъ, болѣе или менѣе, почти на всѣхъ, дѣйствуетъ въ особенности на огромную массу людей нерѣшительныхъ и неопредѣленныхъ, для которыхъ жизнь есть вѣчное распутіе, которые всегда хромаютъ на оба колѣна и постоянно уступаютъ, вопреки себѣ можетъ быть, суетѣ, которую и сами они одобрить не могутъ.

Уже полтораста лѣтъ русское общество приняло (мы говоримъ объ отдѣлившихся отъ народа верхнихъ классахъ) образъ свѣта со всѣми принадлежностями и послѣдствіями и со всѣмъ его гибельнымъ вредомъ для каждаго человѣка, какъ лица, и даже для всего народа; ибо дѣйствіе свѣта крайними своими предѣлами доходитъ отчасти даже и до крестьянина, и хотя простой народъ, какъ цѣлое, стоитъ непоколебимо на своихъ истинныхъ основахъ, но по частямъ вредъ проникаетъ и въ него; слово *мода* уже извѣстно и получаетъ власть для многихъ и въ немъ. И потому, еще съ бо́льшею силою, слова наши направлены къ нашимъ такъ-называемымъ

образованнымъ классамъ, оторвавшимся отъ народа. Въ нихъ-то ходитъ зло, поражая болѣзнію души; въ нихъ-то гнѣздится страшная, блестящая язва *свѣта*.

Вмѣстѣ съ появленіемъ свѣта въ Россіи началась общественная пріятная безнравственность. Поднялась общественная болтовня, салонныя сужденія и толки, образовалось самовластное мнѣніе свѣта. Пошла въ ходъ *насмѣшка*, съ своей гибкой совѣстью, насмѣшка — этотъ скипетръ власти свѣтской, это оружіе, которое для многихъ (разумѣется, не слишкомъ твердыхъ) кажется неодолимымъ. Но кромѣ этого грознаго оружія, наводящаго страхъ, есть у свѣта другой магическій жезлъ, которымъ онъ—отвратительное и гнусное по *существу* своему (въ нравственномъ отношеніи разумѣется) — обращаетъ въ милое и пріятное: это *шутка*. Шутка не дурна сама по себѣ, но она очень опасное орудіе; ею надо пользоваться осторожно, утвердя ее на нравственномъ строгомъ основаніи ; въ противномъ случаѣ — это гибельный ядъ. Если насмѣшка дѣйствуетъ страхомъ, то шутка — соблазномъ. Въ быстромъ вращаніи свѣтскаго толка, среди шутокъ и насмѣшекъ, много исчезло нравственныхъ истинъ много выдвинуто безнравственныхъ понятій — и нравственныя основы человѣка потрясены. При требованіи внѣшности, при отсутствіи нравственныхъ началъ въ свѣтѣ, дана полная воля всему порочному въ душѣ человѣка, лишь бы соблюдалась благовидная наружность. Развратъ одѣлся приличіемъ и любезностью и свободно ходитъ въ обществѣ, получивъ, при благовидной наружности, все право свѣтскаго гражданства; онъ-то всего болѣе и хлопочетъ о comme il faut. Чорныя движенія души и всѣ пороки являются не только въ приличномъ, но въ такомъ миломъ и любезномъ видѣ, о нихъ говорится такъ шутливо и легко, что всякое отвращеніе исчезаетъ въ человѣкѣ, и незамѣтно чувствуется къ нимъ даже расположеніе. Напримѣръ, въ какомъ водевилѣ, въ какомъ анекдотѣ, въ какомъ свѣтскомъ разсказѣ беззаконное волокитство (а часто и хуже) за женщиной замужней не представляется какъ дѣло очень милое, вызывающее на одобрительную улыбку? По мнѣнію свѣта, въ этомъ дѣлѣ достойно смѣха только одно лицо: именно то, которое обмануто и оскорблено. то-есть мужъ; но обманувшіе и оскорбившіе пользуются полнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ свѣта. И такія-то мнѣнія читаемъ мы въ романахъ, слышимъ со сцены; и объ этомъ говорятъ такъ мило и легко, этому улыбаются такъ привѣтливо, тогда-какъ здѣсь потрясается или вовсе разрушается великое таинство брака — святыня, на которой основано все нравственное зданіе общества. Кто также не улыбается съ удовольствіемъ, слыша со сцены или читая, какъ какой-нибудь племянникъ приходитъ въ отчаяніе, что богатый его дядя пользуется завиднымъ здоровьемъ, или какъ подобный племянникъ благодаритъ боговъ за

то, что дядя его отправился въ елисейскія, хотя бы въ такихъ стихахъ:

Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ:
Когда не въ шутку занемогъ,
Онъ уважать себя заставилъ
И лучше выдумать не могъ — и прочее,

Многія улыбнутся и не почувствуютъ, что улыбка ихъ развратна. Злое начало хитро. Оно понимаетъ, что, представивъ вамъ гнусность въ настоящемъ серьёзномъ видѣ, оно испугало бы, можетъ-быть, васъ. Но оно облекаетъ ее шуткою; вы смотрите не строго, вы улыбаетесь пріятно — и не чувствуете, что вы уже поддались злу, уже сдѣлали уступку, и оно скользитъ въ душу вашу потихоньку, расшатывая твердость вашихъ нравственныхъ основъ. Положимъ, сами вы еще далеки до поступковъ, которымъ такъ мило улыбаетесь; но они вамъ уже не отвратительны, не пробуждаютъ въ васъ живого негодованія, не мерзятъ вамъ. До чего дойдете вы сами со временемъ, какъ отдѣльное лицо — это знаетъ Богъ, но общественный нравственный человѣкъ въ васъ уже потрясенъ и на васъ падаетъ вина, если не прямого сочувствія, то допущенія безнравственнаго поступка: вы его допускаете, ибо вы можете смотрѣть на него безъ протеста, безъ негодованія, да еще съ улыбкою: это вина Пилата, умывающаго руки, но бьющаго и предающаго Христа. Пилатъ — вотъ типъ самаго еще лучшаго, самаго еще нравственнаго свѣтскаго человѣка, и типъ все еще для него слишкомъ высокій.

Вообразите же теперь свѣтъ, построенный на вышеозначенныхъ началахъ, продолжающій у насъ безъ устали, уже полтораста лѣтъ, свою легкую, пріятную душегубительную работу. Что долженъ онъ былъ сдѣлать изъ общества? Впрочемъ, и воображать нечего. Плодъ такого хода общественной жизни передъ нами. Передъ нами эти растлѣнныя души, это смѣшеніе понятій добра и зла, эта благотворительная суета, эти богоугодные балы, это благодѣтельное тщеславіе и всѣ эти грѣхи, возведенные въ добродѣтели свѣтскимъ обществомъ. Une bonne idée, думаетъ свѣтъ: съ пороками разставаться нѣтъ никакой причины, а мы лучше дадимъ порокамъ, хотя они и безъ того у насъ благообразны, еще благотворительную цѣль, сдѣлаемъ ихъ добродѣтельными — ma foi, que voulez vous encore! Свѣтскіе люди очень довольны такою счастливою идеею; это съ ихъ стороны уже снисхожденіе къ добру: вѣдь они могли бы обойтись и безъ этого; это значитъ поступать нравственно, по ихъ понятію; тутъ высказался весь ихъ нравственный взглядъ. Они надѣются, какъ видно, что будутъ и волки сыты и овцы цѣлы, и Богу свѣча и чорту свѣча — надѣются песлужить разомъ двумъ господамъ, во-

преки евангельскому слову. Такъ думаютъ свѣтскіе люди и не захотятъ себѣ признаться, что разбойникъ съ большой дороги, отдавая часть своей награбленной добычи на ризу къ образу, что уличный воръ, кладя часть украденнаго въ церковную кружку, только откровеннѣе ихъ. Впрочемъ, свѣтскіе люди приняли бы въ свое общество и разбойника съ большой дороги и уличнаго вора, да они — mauvis genre: вотъ одно препятствіе; а разбойники и воры bon genre, не совсѣмъ откровенные — давно почетные граждане свѣта.

Таково-то наше современное общество, таково-то свѣтъ. Но не такъ давно сдѣлалъ онъ изумительный шагъ впередъ по своему направленію. Когда человѣкъ весь предается злу, въ немъ родится неугасимое желаніе развратить другого, сдѣлать его похожимъ на себя; вмѣстѣ съ тѣмъ его объемлетъ вдохновеніе зла. Это бываетъ даже болѣе или менѣе сознательно у иныхъ, у другихъ безсознательно. На основаніи этого мелькнула свѣту по истинѣ вдохновенно-злая мысль: завести дѣтскіе балы, и свое свѣтское устройство внести въ невинный міръ дѣтей. Невинность дѣтскаго возраста какъ бы оскорбляла свѣтъ, была несноснымъ для него укоромъ, въ особенности для свѣтскихъ отцовъ и матерей — и вотъ свѣтъ наноситъ ударъ этой невинности. Заразительнымъ дыханіемъ своимъ вѣетъ онъ на дѣтскія чистыя души, и мгновенно дѣти (дѣти, о которыхъ Спаситель сказалъ: таковыхъ есть царствіе небесное) обращаются въ свѣтскихъ людей и перенимаютъ ихъ пороки; въ невинныя души дѣтей, прежде чѣмъ они окрѣпнутъ и выйдутъ изъ своего возраста, переходятъ страсти и грѣховныя стремленія совершеннолѣтняго человѣка; еще не созрѣвши, заражаются дѣти гніеніемъ нравственнымъ. Дѣвочка, разодѣтая по бальному, кокетничаетъ; мальчикъ франтъ — волочится, а большіе люди смотрятъ и радуются. Всѣ пріемы, всѣ понятія свѣта передаются младенческимъ свѣжимъ душамъ, и развращенныя такъ рано, онѣ почти теряютъ возможность сопротивленія соблазну, ибо даже дѣтскія ихъ воспоминанія нечисты, дѣтскій возрастъ ихъ лишонъ невинности. Страшное дѣло Ирода, избіеніе младенцевъ, повторяется въ благообразномъ и ужаснѣйшемъ видѣ, ибо ударъ падаетъ на душу. Свѣтъ стремится достигнуть того, чтобы вовсе не было дѣтей, ни дѣтскаго возраста, и развѣ одна колыбель безсловеснаго еще младенца остается для него неодолимою преградою *). Вотъ какой смыслъ имѣютъ, вотъ что производятъ дѣтскіе балы, вечера и вообще дѣтскій свѣтъ. Дѣтскій свѣтъ! Это явленіе еще болѣе безнравственно, еще болѣе уродливо, чѣмъ извѣстный, обыкновенный, взрослый свѣтъ. Какое явленіе можетъ быть отвратительнѣе развратнаго ребенка. Развратъ

*) Въ подлинникѣ рукою автора приписана здѣсь сбоку замѣтка: «скоро вовсе не будетъ дѣтей, ни дѣтскаго возраста».

дѣтей имѣетъ въ себѣ что-то страшное, кажется дѣломъ самаго дьявола. Каковы же тѣ, которые развращаютъ дѣтей?... Но мы знаемъ, чье это дѣло и чьи, слѣдовательно, они слуги.

Ужели все поглощено развратомъ, и между людьми не находится чистой совѣсти, которая бы видѣла и осудила зло? честнаго голоса, который бы сказалъ это осужденіе и обличилъ развратъ? Нѣтъ, есть еще незапутанныя понятія о добрѣ, есть сознаніе красивой неправды свѣта, есть прямота души; все это есть, даже у многихъ, но почти все это соединено съ совершеннымъ безсиліемъ воли, и нѣтъ у нихъ силъ,чтобъ противостать тому, или даже удалиться отъ того, что они сами называютъ развратомъ. Они говорятъ иногда въ свое оправданіе: «это меня самаго не портитъ: я понимаю, что это гнусно». Но такое оправданіе есть новая вина, ибо — новая ложь. Человѣкъ уже непремѣнно лично испорченъ, если можетъ участвовать въ развратномъ, по его мнѣнію, общественномъ образѣ жизни; но еслибъ даже и возможно было сохранить личную чистоту, человѣкъ долженъ понимать, что онъ повиненъ въ соблазнѣ, который не только не уменьшается, но усиливается отъ личныхъ качествъ человѣка, въ немъ участвующаго. Здѣсь сталкиваемся мы съ важнымъ вопросомъ. Люди кой-какъ толкуютъ еще о *личной* нравственности, о глубинѣ своей души, другимъ невѣдомой, ссылаются на свой внутренній міръ, никому неизвѣстный: такое объясненіе очень удобно, но они забываютъ, что кромѣ личной нравственности есть *нравственность общественная*. Она-то и составляетъ камень преткновенія почти для всѣхъ; смысла ея не понимаютъ у насъ доселѣ, по крайней мѣрѣ многіе. Чтобы уразумѣть и опредѣлить общественную нравственность, мы должны ближе вникнуть въ смыслъ общества.

III.

Общество есть союзъ людей, основанный непремѣнно на единствѣ вѣрованій, убѣжденій, на единствѣ нравственныхъ началъ. Это-то единство, общее для всѣхъ, и составляетъ общество — ту сферу, въ которой всѣ отдѣльные люди сливаются во-едино, ту связь, которая держитъ всѣхъ вкупѣ и дѣлаетъ братьями. Если же люди, во имя общей и единой нравственной основы, образуютъ общество, то, слѣдовательно, общество есть вѣрованіе или *исповѣданіе* такой общей и единой нравственной основы. Отступить отъ общаго исповѣданія — значитъ отступить отъ общества; поэтому такого отступничества въ обществѣ допустить невозможно. Отсюда само собою рождается требованіе, чтобы всѣ въ обществѣ признавали и держались одной основы, или, лучше, одного исповѣданія.

Понятна теперь общественная нравственность. Общественная нравственность есть соблюденіе самаго вѣрованія, есть храненіе самой основы нравственной.

Разница между личною нравственностью и общественною—очевидна. Открытое соблюденіе человѣкомъ начала нравственнаго, быть-можетъ, и не соотвѣтствуетъ внутреннему состоянію человѣка, какъ лица, не соотвѣтствуетъ, слѣдовательно, личной нравственности; открыто возвѣщаемое исповѣданіе, быть-можетъ, и не проникаетъ души человѣка: быть-можетъ, тайно, въ глубинѣ души своей, человѣкъ не вѣритъ тому, что̀ возвѣщаетъ какъ свое убѣжденіе: тогда это ужь его личный грѣхъ. Кто знаетъ душевную тайну? Общество не инквизиторъ и не беретъ на себя суда надъ самою душою человѣка; слѣдовательно, за личную нравственность отвѣчаетъ само лицо; но общество отвѣчаетъ за свое нравственное начало, за нравственность общественную. Нарушеніе общественной нравственности состоитъ въ отверженіи самаго исповѣданія, или въ открытомъ, нагломъ его несоблюденіи. Общество, во всей жизни своей, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, будучи воплощеннымъ исповѣданіемъ нравственнаго начала, требуетъ отъ лица, къ нему принадлежащаго, только признанія исповѣданія; какъ же осуществляется оно внутренно въ каждомъ лицѣ — это дѣло самого лица. Нарушеніе личной нравственности есть грѣхъ, а нарушеніе нравственности общественной есть ересь.

Изъ этого значенія проистекаютъ дальнѣйшія слѣдствія. Судъ надъ личнымъ достоинствомъ, надъ душою человѣка, не принадлежитъ человѣку. Въ этомъ смыслѣ и сказано: *не осуждайте*. Передъ нами грѣшникъ; мѣру его отношенія къ грѣху измѣрить люди не могутъ. Поэтому человѣческій судъ надъ грѣшникомъ есть судъ надъ грѣхомъ; самый грѣшникъ не осуждается. Но и въ этомъ случаѣ, то-есть когда нарушается только личная нравственность, при неосужденіи грѣшника, все же осуждается грѣхъ: судъ надъ грѣхомъ принадлежитъ вполнѣ человѣку. Осужденіе самаго грѣха — столько же нравственная обязанность, или еще болѣе, какъ и неосужденіе грѣшника. Здѣсь уже является судъ надъ самымъ началомъ зла, надъ тѣмъ, что̀ исключается общимъ нравственнымъ началомъ, самымъ исповѣданіемъ. Осужденіе грѣха есть его отверженіе; въ противномъ случаѣ значило бы принимать и признавать грѣхъ какъ должное, какъ добро, а не какъ грѣхъ. Непризнаніе грѣха грѣхомъ, или неосужденіе грѣха есть нарушеніе самаго исповѣданія, по которому это есть грѣхъ, а вмѣстѣ и нарушеніе общественной нравственности. И такъ, грѣшникъ самый не осуждается, какъ скоро онъ только грѣшникъ, то-есть какъ скоро грѣхъ является въ немъ самомъ противорѣчіемъ его вѣрованію и нравственному убѣжденію, какъ скоро грѣхъ самому грѣшнику пред-

ставляется какъ грѣхъ и потому необходимо сопровождается раскаяніемъ. Такой грѣшникъ, осуждая самъ себя, не нарушаетъ исповѣданія общества и общественной нравственности, и, соединяясь съ нимъ въ этомъ исповѣданіи, изъ общества и общественнаго союза не выходитъ. Грѣша — какъ личный человѣкъ, онъ правъ — какъ человѣкъ общественный. Но какъ скоро человѣкъ не признаетъ грѣха своего за грѣхъ, какъ скоро человѣкъ или отвергаетъ нравственное начало общества, или нарушаетъ его открыто или постоянно, то отношенія его къ обществу измѣняются. Находясь въ обществѣ, человѣкъ является какъ общественное единомыслящее лицо: отвергающій же самую основу общества — не можетъ по этому самому быть въ союзѣ общественномъ, воздвигнутомъ на этой основѣ. Здѣсь является нарушеніе самаго исповѣданія и общественной нравственности. Нарушающій исповѣданіе не можетъ быть въ обществѣ, основанно непремѣнно на общемъ единствѣ исповѣданія. Удерживать въ общественномъ союзѣ человѣка, нарушающаго его основу, значитъ соглашаться на нарушеніе самой основы и, слѣдовательно, отказываться отъ нея, то-есть отъ самаго исповѣданія. И такъ, человѣкъ, нарушающій нравственную основу общества, не можетъ быть терпимъ въ этомъ обществѣ и долженъ быть изъ него исключенъ. Здѣсь вовсе нѣтъ суда надъ душою человѣка, надъ личнымъ его достоинствомъ даже, но только надъ нимъ, какъ надъ лицомъ общественнымъ, ибо онъ виноватъ какъ общественный человѣкъ. Общественный судъ — вполнѣ законный, ибо это судъ не надъ лицомъ человѣка, а надъ его вѣрованіемъ — выражается исключеніемъ человѣка изъ общества. Такое исключеніе не есть наказаніе, ни осужденіе лица. Человѣку говорятъ: мы всѣ составляемъ общество, потому-что вѣримъ одному; это *одно* связываетъ насъ всѣхъ въ одинъ союзъ; ты этому не вѣришь, слѣдовательно ты и въ союзѣ быть не можешь: поди отъ насъ, мы не хотимъ для тебя колебать основу нашего союза. Исключеніе такого человѣка изъ общества, самъ ли онъ удаляется или общество его удаляетъ, есть логическое слѣдствіе самаго дѣла: оно необходимо. И точно: какъ скоро общество есть собраніе единомыслящихъ (въ нравственной основѣ), то перестающій быть единомыслящимъ перестаетъ быть въ этомъ собраніи; въ противномъ случаѣ само общество или перестаетъ быть союзомъ единомыслящихъ, согласныхъ въ общей нравственной основѣ, перестаетъ быть обществомъ, или же само отказывается отъ своей нравственной основы, отъ своего вѣрованія. Въ обоихъ случаяхъ общество разрушило бы само себя такъ или иначе. И такъ, общество, преслѣдуя грѣхъ, удаляетъ человѣка не потому, что онъ грѣху причастенъ, а потому, что онъ грѣхъ исповѣдуетъ; слѣдовательно, онъ удаляетъ человѣка не тогда, когда онъ становится *грѣшникомъ*, а когда онъ становится *еретикомъ*. Это слово принимаемъ мы здѣсь въ обширномъ смыслѣ.

Изъ этого слѣдуетъ, что общественная нравственность есть соблюденіе *самой нравственной основы* общества, самаго *исповѣданія*, а поэтому и соблюденіе самаго общества чрезъ очищеніе его, чрезъ исключеніе изъ него нарушающихъ нравственную основу общественнаго союза. Здѣсь является общественный судъ, необходимый, обязательный для всякаго, ибо всякій въ обществѣ есть въ тоже время общественное лицо и имѣетъ право общественнаго суда, то есть имѣетъ право прекратить всякое общеніе съ лицомъ, отвергающимъ основныя общія начала. Этотъ судъ есть приниманіе въ общество или изгнаніе изъ него. Этотъ судъ, какъ сказано, не есть личное осужденіе человѣка. «Ты не признаешь нравственнымъ того, что́ мы признаемъ: ты не нашъ, не можешь быть въ нашемъ обществѣ, основанномъ на томъ, чего ты не признаешь» — вотъ что́ говорятъ человѣку и удаляютъ его изъ среды своей. Какъ скоро онъ вновь признаетъ нравственную общественную основу — онъ вновь входитъ въ общество.

И такъ, общество *должно* судить и поставлено въ необходимость или исключить того, кто нарушаетъ его нравственную основу и, слѣдовательно, сохранить эту основу, или не исключать и, слѣдовательно, отказаться отъ нравственной основы. Одно безъ другого быть не можетъ. Если общество есть *согласіе*, то какъ же можетъ быть въ немъ несогласный? Горе обществу, которое можетъ вмѣщать въ себѣ такихъ несогласныхъ ; не отрекается ли оно само отъ своего вѣрованія, принимая или не изгоняя отвергающихъ это вѣрованіе?

У насъ этого не хотятъ понимать; у насъ забываютъ, что каждый человѣкъ есть не только частное, но въ то же время и общественное лицо; что можетъ существовать безнравственность не личная, но общественная, безнравственность самаго положенія, самаго отношенія общественнаго. У насъ многіе люди, хорошіе и нравственные лично, думаютъ : почему имъ не водить знакомства съ негодяями — это ихъ не испортитъ. Но здѣсь эгоизмъ своего рода. Если это не испортитъ васъ лично, такъ это портитъ общественное дѣло, это развращаетъ самое общество, а общественное развращеніе падаетъ какъ вина всѣхъ тѣхъ, кто составляетъ общество. Ваше знакомство, ваша хлѣбъ-соль съ порокомъ ободряютъ самый порокъ и соблазняютъ другихъ слабыхъ. Развѣ это не страшная вина? Это вина общественная, это вина соблазна. Припомните, что такое соблазнъ? Развѣ присутствовать въ совѣтѣ нечестивыхъ не значитъ уже принимать въ немъ участіе ? Развѣ молчать, какъ скоро есть какая-нибудь возможность говорить, въ виду безнравственнаго дѣла — не значитъ быть уже въ немъ повиннымъ? Не всякій у насъ губитель, но почти всякій сядетъ на сѣдалище губителей. Вотъ причина безмѣрной разслабленности и дряблости души современнаго общественнаго человѣка, который не можетъ сказать

«нѣтъ», когда свѣтъ зоветъ его на дѣло, которое ему самому ясно какъ худое. Вотъ отчего эта общественная душевная спячка, при которой являются человѣку какія-то смѣшанныя сновидѣнія добра и зла, и которая есть сама положительное и гибельнѣйшее зло для души. Обыкновенно въ оправданіе такихъ своихъ безнравственныхъ поступковъ, въ оправданіе общенія своего и дружескихъ пированій съ отъявленными мерзавцами говорятъ: *я не хочу осуждать* — страшнымъ образомъ злоупотребляя святыя слова и прикрывая ими подъ-часъ свою собственную дрянность, но здѣсь подъ личиною снисходительности кроется преступная слабость души или затаенный страхъ людского суда, или трусливое сочувствіе къ грѣху. Участіе и снисхожденіе къ грѣшнику — дѣло хорошее, но у насъ это участіе и снисхожденіе распространили отъ грѣшника на самый грѣхъ. Неосужденіе грѣшника перешло у насъ въ неосужденіе грѣха. «Не осуждайте» — кричитъ подлецъ и плутъ изъ плутовъ: «не осуждайте» — говорятъ и порядочные люди, знакомые съ плутомъ, который или милый и любезный человѣкъ, или богатъ, или comme il faut — и плутовство такимъ образомъ удерживаетъ свое гражданство въ обществѣ. Вотъ какъ исказили люди значеніе любви христіанской. Въ однихъ — развратъ и лицемѣріе; въ другихъ — нравственная дряблость или путаница понятій. Между-тѣмъ, какъ ясна и проста истина.

Повторимъ еще разъ наши положенія!

Основа въ обществѣ — единство нравственнаго убѣжденія; человѣкъ, нарушившій эту нравственную основу, тѣмъ самымъ становится невозможенъ въ обществѣ. Если же общество его не исключаетъ, то происходитъ уже не частная безнравственность лица, но безнравственность самаго общества, безнравственность, разомъ разслабляющая всѣхъ, падающая уже не на одно лицо, но на всѣхъ, составляющихъ общество и терпящихъ, изъ преступной слабости, нарушеніе его нравственной основы. Вотъ почему необходимъ общественный судъ, который не есть личное осужденіе, не есть осужденіе отъ лица частнаго — лицу частному; онъ судитъ не грѣшника — грѣшны всѣ, но отступника, не отвергающаго такъ или иначе самое исповѣданіе. Всякій человѣкъ есть общественное лицо, и какъ общественное лицо — въ общественномъ дѣлѣ судить и, если нужно, осуждать долженъ. Какъ скоро единство исповѣданія нравственнаго нарушено, то выбора и сомнѣнія быть не можетъ: предстоитъ или удалить отступника, или быть отступникомъ, и такъ, снисхожденію здѣсь нѣтъ мѣста. Да и общественный судъ не есть приговоръ надъ душою человѣка: здѣсь только огражденіе своихъ общественныхъ убѣжденій, безъ которыхъ общество стоять не можетъ. Общественный судъ не только позволителенъ, но составляетъ нравственную обязанность каждаго лица въ обществѣ.

Христіанство утвердило понятіе нравственности общественной и общественный судъ. Такой судъ повелѣвался и признавался въ первыхъ вѣкахъ христіанства. Христіанское общество временъ Апостольскихъ дѣйствовало такъ. Апостолъ Павелъ въ своемъ посланіи повелѣваетъ исключеніе изъ общества христіанскаго тѣхъ, кто нарушаетъ его основаніе. Онъ же говоритъ, чтобы не пить и не ѣсть съ язычниками. Это значитъ: не имѣть общенія жизни. Трапеза (разумѣется — не ѣда, а общественное вкушеніе пищи) есть уже это *общеніе*; трапеза есть жизнь сама, жизнь общественная; въ трапезѣ нѣтъ уже вопроса о нравственной разницѣ между людьми; здѣсь они дѣлятъ насущный хлѣбъ; живутъ вмѣстѣ. И всегда трапеза имѣла общественное значеніе, но трапеза христіанская, сопровождаемая молитвою, получила еще высшій смыслъ: трапезу дѣлить, или, говоря русскимъ выраженіемъ, хлѣбъ-соль водить — нельзя съ язычниками или отступниками.

Какое же мое отношеніе къ отступнику, исключенному изъ общества? Я разрываю съ нимъ общеніе жизни; я поступаю нравственно; но тогда поступокъ мой получаетъ всю свою цѣну, когда я это дѣлаю не съ ненавистью и, даже не увлекаясь законнымъ восторгомъ справедливаго суда, чувствомъ торжества и крѣпости истины; нѣтъ, но когда, совершая судъ, скорблю я объ осужденномъ, люблю его, надѣюсь и стремлюсь возвратить его къ истинѣ. На основаніи-то этого опредѣляются мои отношеніи къ исключенному. Я разрываю съ нимъ общеніе жизни; общественнаго союза между мной и имъ быть не можетъ. Столкновеніе мое съ нимъ можетъ быть частное, непремѣнно во имя разницы нашего нравственнаго вѣрованія и съ цѣлію уничтожить эту разницу; я долженъ постоянно помнить, что отступникъ, нераскаянный грѣшникъ — въ заблужденіи, а я въ истинѣ; не по моему достоинству, но по вѣрѣ своей. Привести къ истинѣ, и тогда возвратить общенію заблудшагося — вотъ мое единственное отношеніе къ такому человѣку: иныхъ отношеній, иныхъ рѣчей между имъ и мной быть не можетъ. Если эти отношенія и рѣчи не возможны почему-нибудь, то не должно быть никакого общенія между мною и имъ. Христіанская истина проповѣдывалась язычнику: но развѣ язычникъ входилъ въ общество христіанское, пока онъ былъ язычникъ? развѣ было съ нимъ общеніе жизни? Поэтому-то воспрещена и трапеза съ язычникомъ; въ трапезѣ уже нѣтъ вопроса о нравственной разницѣ между людьми; въ трапезѣ общеніе, веселіе жизни. Нужно-ли говорить, что иновѣрецъ въ нравственномъ исповѣданіи — тотъ же язычникъ, а отступникъ еще хуже.

Разсмотримъ теперь ближе, гдѣ, въ какомъ случаѣ дѣйствуетъ и совершается общественный судъ.

Общество, какъ было уже сказано, не судитъ человѣка за-то,

что онъ грѣшникъ, то-есть не произноситъ приговора надъ нимъ, какъ надъ лицомъ, такъ-какъ грѣхъ есть дѣло его личной слабости. Но это въ такомъ случаѣ, когда на грѣхъ свой смотритъ грѣшникъ самъ какъ на грѣхъ; когда онъ кается въ немъ; когда онъ не отвергаетъ, а признаетъ вполнѣ нравственную основу общества, къ которому принадлежитъ. Человѣкъ здѣсь виноватъ, какъ лицо частное, и общественный судъ, осуждая грѣхъ, ибо грѣхъ есть общій вопросъ, не гремитъ надъ грѣшникомъ. Общество судитъ человѣка, какъ скоро онъ отвергаетъ самую нравственную основу, самую вѣру общества: здѣсь вопросъ не о личности человѣка, но объ исповѣданіи. Человѣкъ отрицаетъ самую вѣру, связующую людей въ общество, нарушаетъ самъ общественный союзъ, является отступникомъ, и общество, не произнося и здѣсь личнаго приговора надъ человѣкомъ, исключаетъ его изъ себя, какъ иновѣрнаго или отступника. Этотъ случай ясенъ и понятенъ. Но, кромѣ этого случая, гдѣ человѣкъ отрицаетъ самое основаніе общества, можетъ и самый грѣхъ принимать такой видъ, что становится уже общественнымъ, а не частнымъ преступленіемъ. Какъ скоро человѣкъ постоянно носитъ на себѣ грѣхъ, противный самой основѣ нравственной, не отступая отъ грѣха и даже не каясь въ немъ, то онъ становится практическимъ отрицаніемъ нравственнаго начала, хотя бы теоретическаго отрицанія и не было—становится если не образомъ мысли, то образомъ жизни, и, слѣдовательно, грѣшникъ въ этомъ случаѣ подлежитъ тоже удаленію изъ общества. Также, если человѣкъ совершаетъ свой грѣхъ торжественно и дерзко передъ всѣми, или даже если грѣхъ его дѣлается видимымъ и извѣстнымъ и становится соблазномъ: во всѣхъ этихъ случаяхъ грѣхъ дѣлается не частнымъ, но общественнымъ вопросомъ; человѣкъ становится виноватымъ какъ общественное лицо; судъ общественный долженъ раздаться — и человѣкъ непремѣнно долженъ быть исключенъ изъ общества. Кромѣ указанныхъ нами случаевъ, могутъ быть и другіе подобные; человѣкъ самъ очень хорошо всегда знаетъ внутреннимъ своимъ чувствомъ, гдѣ нарушается нравственная общественная основа. Впрочемъ, всѣ случаи общественнаго суда могутъ быть сведены къ сказаннымъ выше, именно: отрицаніе общественной нравственной основы или самымъ убѣжденіемъ, самымъ вѣрованіемъ, или образомъ жизни, съ наглостью или черезъ соблазнъ. Такихъ нарушителей явныхъ общество терпѣть не можетъ, если оно точно общество, имѣющее нравственную основу.

Самое общество можетъ или совратиться съ пути или поступать безнравственно. Дѣло общества не есть частное дѣло, а дѣло общественное, дѣло, касающееся всѣхъ въ обществѣ. Когда общество грѣшитъ, нѣтъ грѣшника: грѣшитъ, такъ сказать, самое убѣжденіе. Поэтому дѣло общества есть всегда общественное дѣло и подлежитъ

общественному суду; и такъ-какъ каждый въ обществѣ есть въ то же время лицо общественное, то дѣло общества подлежитъ суду каждаго, какъ общественнаго лица. Какъ скоро человѣкъ видитъ, что общество не имѣетъ основаній нравственныхъ, по его убѣжденію, или отступаетъ отъ нихъ, имѣвъ ихъ сначала, или нарушаетъ ихъ дѣломъ, то такой человѣкъ долженъ выдти изъ общества, прервать съ нимъ общеніе, о которомъ было говорено прежде, общеніе жизни, ибо между нимъ и обществомъ не существуетъ уже союза, единаго нравственнаго основанія.

И такъ — общество есть свободный союзъ на основаніи единства нравственнаго убѣжденія; здѣсь принужденной, насильственной, внѣшней связи нѣтъ; какъ скоро человѣкъ нарушаетъ эту нравственную основу — общество, ее соблюдающее, удаляетъ такого человѣка изъ себя; какъ скоро общество нарушаетъ эту нравственную основу, человѣкъ ее соблюдающій удаляется изъ такого общества. Само собою разумѣется, что общество не приметъ въ себя человѣка, противорѣчащаго его нравственной основѣ, и человѣкъ не войдетъ въ общество, противное его нравственному убѣжденію.

Кромѣ того, всякій человѣкъ всегда есть общественное лицо, на дѣлѣ или въ стремленіи — все равно; это условіе нераздѣльно съ его человѣческимъ достоинствомъ. Поэтому, хотя бы и не было цѣлаго опредѣленнаго общества, но общеніе между человѣкомъ и человѣкомъ есть все также вопросъ общественный, если бы даже кругъ общенія былъ ограниченъ двумя. Общеніе это должно также основываться на единствѣ нравственной основы. Мы уже опредѣляли, что подъ общеніемъ разумѣемъ мы не случайное столкновеніе, также не проповѣдь одного къ другому, но *общеніе жизни*, раздѣленіе трапезы, удовольствій, веселія жизни. Общественный вопросъ весь прилагается и при частномъ, даже двойственномъ, отношеніи человѣка къ человѣку.

Въ наши времена нѣтъ такого ярко опредѣленнаго нравственнаго общества, которое бы произносило свой общественный судъ. Мы говоримъ не о простомъ народѣ, гдѣ есть *міръ*. Но за-то въ наши времена есть цѣлая общественная связь, образовавшаяся не на нравственныхъ началахъ, есть цѣлое общество, если ужь употреблять это слово, общество, построенное на *лжи*: это свѣтъ. У свѣта есть также общая основа; но эта основа не нравственная, и по этому самому безнравственная. Эта основа есть внѣшность, наружная благовидность, *приличіе* однимъ словомъ, за которое свѣтъ крѣпко держится. Свѣтъ, слѣдовательно, выставилъ свое знамя, подъ которое тотъ только можетъ стать, для кого, подобно свѣту, приличіе замѣняетъ нравственную основу. Для кого же существуетъ нравственная основа, тотъ долженъ не сообщаться со свѣтомъ и стать въ сторонѣ ; въ противномъ случаѣ, если такой человѣкъ

сообщается со свѣтомъ, вслѣдствіе тайнаго разврата, или преступной душевной слабости — онъ отказывается отъ нравственнаго начала и, слѣдовательно, становится въ этомъ смыслѣ отступникомъ. Одно неразуміе можетъ какъ бы извинить его, но неразуміе есть такъ же своя вина. Вы немного, впрочемъ, найдете людей, которые бы откровенно сознались, что для нихъ приличіе внѣшнее замѣнило внутреннее нравственное достоинство. Свѣтскіе люди сознаются, что таково основаніе свѣтскаго общества, но многіе изъ нихъ скажутъ, что для нихъ лично свѣтское приличіе не замѣняетъ нравственнаго начала, что свѣтъ ихъ самихъ не портитъ; мы уже говорили объ этомъ лживомъ оправданіи, въ которомъ слышится эгоизмъ своего спасенія, и по смыслу котораго можно быть въ совѣтѣ нечестивыхъ, не будучи нечестивымъ; какъ будто присутствіе въ нечестивомъ совѣтѣ не утверждаетъ со стороны присутствующаго самый этотъ совѣтъ. Какое страшное безсиліе и разслабленность! Такіе *хорошіе* свѣтскіе люди, продолжая участвовать въ безнравственномъ свѣтскомъ обществѣ, поступаютъ хуже откровенныхъ свѣтскихъ людей, которые признаютъ и для себя самыхъ свѣтскія убѣжденія; ибо если люди признаютъ безнравственною и осуждаютъ жизнь, а сами въ ней продолжаютъ участвовать, то дурное дѣло такъ и остается дурнымъ дѣломъ, но къ нему присоединяется преступная слабость, крайняя дряблость и безсиліе, не способное даже своротить съ дурной дороги на хорошую. Самый же вредъ общественный растетъ и укрѣпляется, ибо признаётся и принимается хорошими людьми. Участіемъ своимъ и присутствіемъ они утверждаютъ безнравственное существованіе свѣта и даютъ полное торжество всѣмъ преступленіямъ и мерзостямъ, безопаснымъ подъ защитою свѣтскихъ условій. Взгляните: вотъ развратная чета, извѣстная всякому своимъ развратомъ и пребывающая въ немъ; это уже не частный, сокровенный отъ общественнаго вѣдѣнія, грѣхъ; это развратный *образъ жизни*, слѣдовательно, нарушеніе общественной нравственности. Исключена изъ общества должна быть такая распутная чета! Что жь, если она сама задумала быть средоточіемъ общественнаго собранія, если она открываетъ двери своего позорнаго дома, если ярко зажигаетъ праздничные огни, какъ бы дерзко вызывая осужденіе, какъ бы торжествуя гнусный свой союзъ и образъ жизни — и зоветъ къ себѣ въ гости общество? Какъ поступитъ общество въ такомъ случаѣ? Если поѣдетъ, то, переступая порогъ оскверненнаго дома, не отрекается ли оно тутъ отъ своей нравственной основы, не признаетъ ли оно торжественно образа жизни сей развратной пары, не подчиняется ли оно могуществу распутства и не въ правѣ ли эта пара хохотать надъ своими гостями и вдвойнѣ торжествовать свой развратъ, признанный, утвержденный обществомъ ? Да, безъ сомнѣнія. Веселись же, развратъ, и торжествуй! Примѣръ, сейчасъ

приведенный нами, не вымыселъ, не фантазія. Мы знаемъ, что общество наше пируетъ въ такихъ домахъ и такого рода дѣла совершаются предъ нашими глазами. Какую же нравственную основу имѣетъ такое общество?

Оно ея не имѣетъ. Это общество — свѣтъ. И какой страшный вредъ душевный дѣлаетъ оно всѣмъ, которые въ немъ или съ нимъ соприкасаются.

Намъ не разъ удавалось видѣть и слышать, какъ иные, точно хорошіе люди, не только сознавались сами себѣ, но даже говорили вслухъ, что такой-то — подлецъ и злодѣй, и, говоря это, собирались на балъ или раутъ къ этому подлецу и злодѣю; мало того, они признавались, что не поѣхали бы къ нему, еслибъ онъ не былъ богатъ и не былъ свѣтскимъ человѣкомъ. Тутъ сейчасъ являлась извѣстная общая уловка такъ безнравственно поступающихъ, хорошихъ людей — уловка, о которой мы уже сказали выше, но о которой не худо сказать еще. Собираясь на вечеръ къ богатому мошеннику, они осмѣливаются присовокуплять слова о христіанской любви. Какъ лицемѣрно и лживо такое оправданіе, это доказывается собственнымъ признаніемъ, что къ мерзавцу mauvais genre и бѣдному не поѣхалъ бы никто. Но не говоря уже о томъ, что люди здѣсь просто продаютъ себя свѣтской знатности или богатству — ни въ какомъ случаѣ подобною уступкою не спасешь человѣка; не спасешь его тѣмъ, что самъ или все общество — что̀ еще важнѣе — покажетъ шаткость своихъ началъ, покажетъ слабость и непрочность своей вѣры, своихъ убѣжденій. Развѣ можно когда-нибудь вообразить себѣ, чтобы для спасенія человѣка, отказавшагося отъ Христа, другой или все общество само отъ Христа отказались? Протягивая руку общенія такому человѣку, который нарушаетъ нравственную основу общества, вы протягиваете руку самому грѣху, потрясаете общество, допуская въ него грѣхъ самый, и въ тоже время окончательно губите безнравственнаго человѣка, ибо признаете его — таковъ, каковъ онъ есть — возможнымъ въ своемъ обществѣ и одобряете его на пути грѣха, протягивая ему руку?

При такомъ общественномъ развратѣ, до котораго дошли люди, при общемъ растлѣніи всякихъ силъ душевныхъ, человѣкъ въ наши времена долженъ помнить болѣе, нежели когда-нибудь, что онъ общественное лицо (а мы такъ охотно это забываемъ) и долженъ быть неколебимо строгъ въ общественномъ дѣлѣ. Въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда-нибудь, нужна общественная строгость, которая даже въ излишествѣ лучше преступной слабости общественной.

Какъ же должно поступать современному человѣку?

Съ одной стороны человѣкъ нашихъ временъ видитъ передъ собою цѣлое общество, воздвигнутое на лжи, свѣтъ, съ которымъ неизбѣжно онъ встрѣчается. Лицомъ къ лицу съ этимъ обществен-

нымъ явленіемъ, онъ обязанъ высказаться и рѣшиться на что-нибудь. Соблюдая нравственную основу, человѣкъ долженъ произнести свой общественный судъ и удалиться отъ свѣта, какъ общества безъ нравственной основы, воздвигнутаго на лжи.

Съ другой стороны у насъ нѣтъ явственно опредѣленнаго нравственнаго общества, особенно при существованіи свѣта и при общественномъ смѣшеніи. Вмѣсто того, существуютъ частныя общественныя отношенія человѣка къ человѣку, образующія болѣе или менѣе распространенный кругъ людей, сжимающійся и расширяющійся. Но всегда лицо общественное; всегда онъ самъ есть и долженъ быть центръ своего общества, не въ смыслѣ личномъ, а въ смыслѣ нравственныхъ основъ, имъ признаваемыхъ. Общество долженъ составить себѣ всякій самъ; оно образуется само собою у каждаго. Люди сходятся и расходятся сами. Связь общественная въ настоящее время замѣняется у насъ знакомствомъ, и *право знакомства* получаетъ здѣсь важный смыслъ. Въ немъ одномъ, въ этомъ правѣ, въ настоящее время сосредоточивается общественное значеніе человѣка. Это право есть священное право свободы человѣческой, котораго не отнимаетъ никакой деспотизмъ. Это право должно быть понято строго во всемъ своемъ общественномъ смыслѣ; расходясь съ человѣкомъ въ нравственныхъ убѣжденіяхъ, которыя для васъ важны, вы имѣете полное право и даже должны разойтись съ нимъ и въ общеніи, или просто въ знакомствѣ: знакомство *шапочное*, какъ выражается русскій народъ, не есть еще общеніе — не о такомъ знакомствѣ говоримъ мы. При подобномъ разрывѣ знакомства нѣтъ ни личнаго осужденія, ни оскорбленія одного другому. У васъ нѣтъ единства въ убѣжденіяхъ съ другимъ человѣкомъ, и вы расходитесь съ нимъ — вотъ и только. На единствѣ нравственныхъ убѣжденій должно возникнуть общество или кругъ знакомыхъ. Такое общество уже однимъ существованіемъ своимъ, однимъ своимъ требованіемъ даже даетъ силу и крѣпость, даетъ опору нравственному началу. Но что, если бы — предположимъ такую страну или время — пришлось человѣку при такихъ требованіяхъ остаться совершенно одному среди людей? Онъ долженъ оставаться одинъ — и онъ правъ въ своемъ одиночествѣ. Онъ желалъ бы жить въ обществѣ, но для жизни въ обществѣ не пожертвуетъ нравственнымъ началомъ, основою общества: это была бы нелѣпость. Такой человѣкъ, по своему истинному общественному требованію и есть прямо общественный человѣкъ въ настоящемъ смыслѣ; общество существуетъ для него постоянно какъ требованіе, какъ возможность, какъ идеалъ.

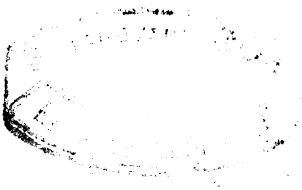
Расшатались нравственныя общественныя основы, если и не совсѣмъ отброшены. Разслабѣло все общество и не можетъ противопоставить силы общественнаго отпора — злу, вторгающемуся въ

его область. Но общество — существо живое, и если оно можетъ совокупно падать, то можетъ совокупно и вставать. Будетъ ли время, когда дѣятельная мысль и просвѣщенная воля укрѣпятъ общество и сдѣлаютъ его самостоятельнымъ. *) Предсказать этого нельзя, но по крайней мѣрѣ можно искренно желать.

Впрочемъ, общество — въ истинномъ смыслѣ — въ какомъ бы то ни было своемъ маломъ видѣ, возможно и теперь. Еще есть люди уцѣлевшіе или исцѣляющіеся отъ общественнаго разврата или общественнаго разслабленія. Но повторяемъ: хотя бы даже (чего, слава Богу, конечно, быть не можетъ) и не могло найдтись въ мірѣ общества, какое отвѣчаетъ основнымъ нравственнымъ запросамъ человѣка и признаетъ для своего существованія нравственную основу; хотя бы пришлось остаться человѣку вовсе безъ общества, одному — пусть онъ будетъ одинъ, пусть осудитъ себя на общественное отшельничество, но пусть будетъ неколебимъ въ своемъ нравственномъ основаніи, въ своемъ общественномъ требованіи, пусть не уступитъ и не воздастъ чести грѣху,

Hora novissima
Tempora pessima sunt,
Vigilemus.

Константинъ Аксаковъ.



*) Здѣсь нѣсколько не разобранныхъ словъ. [illegible] все это мѣсто, отъ слова «расшатались» — приписано авторомъ позднѣе на поляхъ и крайне неразборчиво. — *Иванъ Аксаковъ.*